

Е.А. ЗИЛЬБЕРСДОРФ

**В ПОИСКАХ
ПРАВДЫ**

РИГА 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Грядущая Новая Эра ожидается всеми. Все религиозные учения на нашей земле разными словами говорят о грядущей великой смене бытия человеческого. Все сходятся в том, что Новая Эра должна быть возвышенной и прекрасней. Все движется вперед в своем совершенствовании. Каждая эпоха человеческой жизни развивает какую-нибудь новую сторону наших способностей: искусства всех видов, знания, интеллект, настойчивость и волю, трудолюбие, гуманность и т. д. Грядущая Эра пойдет под флагом развития духовности со всеми ее богатыми и необычными проявлениями, стирающими грани между физическим и Тонкими Мирами. Но не все с этим могут согласиться. Много скептиков смотрят иначе, и в утонченности истребления людей на войнах и среди ужасов последних междоусобий они не замечают все элементы грядущих преобразований, а в волне отрицания и безбожия, заливших мир, не могут найти корней грядущей духовности. Но все это представляется так при поверхностном взгляде на слагающуюся жизнь. Всегда переход к новому созиданию сопровождается крушением всего старого, отжившего, неудовлетворяющего возросшим запросам человечества. Не пессимисты и отрицатели с их вечными возражениями «так было, так и будет» могут быть строителями новой жизни на земле. Пустое семечко не заключает в себе грядущих всходов и преобразований, света и радости человеческого бытия. Эта шелуха легковесная, без жизненного начала, без грядущих построений и творчества человеческого общества. Кто говорит, что «так было, так и будет» – тот мертв и дух его на пути к разложению.

Нельзя революцию рассматривать только лишь как выступление народных сил, возбужденных группой недовольных руково-

дителей крайних партий, на основе только лишь материальных нужд. Революция подготавливается задолго в умах и сердцах людей. Это есть крушение всех устоев человеческого общества, разрушение всех прежних основ его, как материально-правовых, так и религиозных. Развал всей жизни в стране возможен лишь тогда, когда все основы его уже прогнили, когда все источено мыслью критической переоценки всех взаимоотношений, всех норм, верований и обычаев. Но много людей еще мечтают о восстановлении своих прав и привилегий. Как близоруко и слепо всякое устремление к реставрации всего отжившего и ушедшего в архив исторических воспоминаний! Ведь это равносильно мечте восстановления Ассиро-Вавилонского царства или древнего Египта. В мире нет примеров реставрации и история не говорит о таковых; природа знает лишь новые образования, новый расцвет форм, сил и явлений. Как бы прекрасны ни были картины прошлого, но природа никогда их не восстановит: к ним не может быть возврата, и лишь консерватизм человека пытается реставрировать, хоть в мечтах, все привычное и сердцу милое. Природа живет будущим, конечной целью, или, вернее сказать, бесконечной цепью грядущих образований, а человек, не развив в себе всю силу воображения – мысли новых форм, живет настоящим, а чаще лишь грезами прошлого. Тем и велика творческая сила великого мира, что вся ее мысль направлена на творчество грядущих форм. Она без сожаления все вечно преобразует и реформирует. Великое расхождение с природою и, вместе с тем, преступление человека, заключается именно в его косности, в устремлении к сохранению всего старого, из которого он уже давно вырос. Обратите внимание на то обстоятельство, что и невидимые великие силы природы приходят на помощь тем новаторам, кои устремлены к обновлению, кто сердцем почувствовал величие высшего разума и высшей воли.

Ужасы революции происходят не от воли, влекущей к обновлению, а от воли застывшей, тянущейся к старому быту и форме; и чем больше упорство этой воли, тем ужаснее и разрушительнее крушение этого старого уклада. Когда научатся люди не преграждать течение великой эволюции? Ибо, это высшая воля – закон природы, и неразумно с этими силами вступать в единоборство.

Не могу пропустить удобный случай, чтобы не привести прекрасные мысли Николая Бердяева из его произведения «Новое средневековье»: «...революции посылаются Божьим промыслом и

потому народы многому из них научаются. Русская революция – отвратительна. Но ведь всякая революция отвратительна... Французская революция, признанная «великой», тоже была отвратительна и неудачна. Она не лучше русской революции, она была не менее кровавой и жестокой, столь же безбожной, столь же разрушительной в отношении ко всем историческим святыням. Слишком большое негодование против большевистской революции, слишком исключительное приписывание всякого злодейства большевикам есть нередко результат идеализации революции, неопределенной иллюзии, что революция может быть хорошей и благородной... Слишком многие люди эпохи революции хотят по своему направить ее и очень озлоблены, что это не удастся. Но забыли, что революцию вообще направлять нельзя, как нельзя ее остановить. Революция есть рок и стихия. И большевики не направляли революцию, а были лишь ее послушным орудием... Всякая революция есть процесс разложения старого общества и культуры... Революция есть рок народов и великое несчастье. И несчастье это нужно пережить с достоинством, как с достоинством нужно пережить тяжелое заболевание или смерть близкого существа». Стр. 59 – 61.

«Революция подобна, – продолжает Бердяев далее, – тяжелой инфекционной болезни. Раз зараза проникла в организм, нельзя уж остановить неотвратимого течения болезни... Природа революции такова, что она должна дойти до конца, должна изжить свою яростную стихию, чтобы в конце концов претерпеть неудачу и перейти в свою противоположность, чтобы из собственных недр породить противоядие... Рационалистическим безумием нужно признать всякую надежду, что в стихии революции могут господствовать и могут ее направлять какие-либо более умеренные, разумные партии – жирондисты или кадеты. Это и есть самая неосуществимая из утопий. В русской революции утопистами были кадеты, большевики же были реалистами... Большевики совсем не были максималистами, они были минималистами, они действовали в направлении наименьшего сопротивления, в полном согласии с инстинктивными вождениями солдат, истомленных непосильной войной и жаждавших мира, крестьян, вождевших земель помещиков, рабочих, настроенных злобной мстительностью. Максималистами были те, которые хотели продолжения войны во что бы то ни стало, а не те, которые решили ее прикончить после того, как война внутренне разложилась...» Стр. 62 – 63. «...Винить во всем ев-

реев, масонов, интеллигенцию есть такое же извращение, как во всем винить буржуазию, дворянство, старую власть. Нет, источники зла и во мне самом, и я должен и на себя переложить вину и ответственность. Это было бы верно и в отношении к старому самодержавию, это остается верным и в отношении к большевизму...». Стр. 64 – 65.

«Нельзя жить негативным чувством, чувством ненависти, злобы, мести. Нельзя негативными чувствами спасти Россию. Революция отравила Россию злобой и наполнила кровью. Что будет с несчастной Россией, если контрреволюция отравит ее новой злобой и напоит ее новой кровью? Это будет продолжением кровавого кошмара революции, а не выходом из нее. Партии ненависти и злобы есть одна партия; в ней соединены коммунисты и крайние монархисты. Никакая жизнь не может быть создана отрицательным, в основу ее должно быть положено положительное. Наша любовь всегда должна быть сильнее нашей ненависти. Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков. В основе нашей политики должна лежать стихийная любовь к русской земле, к русской народной душе. Только такую направленность можно признать нормальным духовным устроением... Поистине, великая задача, которая стоит перед Россией, как и перед всем миром, – это задача выхода из кровавого круга революций и реакций, перехода в другое измерение... Выход из движения налево и направо может быть найден лишь в движении вглубь и ввысь... Революция уничтожила в России всякую свободу, и потому контрреволюция в России должна быть освободительным процессом, должна дать свободу, свободу дышать, мыслить, двигаться, сидеть в своей комнате, жить духовной жизнью. Вот парадокс, который нужно сознать до конца...». Стр. 68 – 70.

Эти мысли столь важны в теперешнее время, и не только в отношении к России, но и ко всему миру, ибо никогда еще наш общий мировой котел не собирался закипеть с такою силою, как теперь. Я не согласен с Бердяевым в той части его мыслей, что такую инфекционную болезнь нельзя предотвратить и что она должна дойти до конца. Эта болезнь кроется в нашем человеческом сознании, и если оно будет достаточно подготовлено и расширено, то кровавый туман не застелет наш взор, и мы легко выйдем из круга войн и революций. Вот к такой подготовке и направлен мой труд. И я счел бы наполовину свою работу завершенной, когда бы уда-

лось уберечь хоть часть мыслящих людей от безбожия и безверия, направив наши мысли «вглубь и ввысь», как выразился удачно Бердяев. Это безверие происходит благодаря полному разладу и расхождению наших позитивных знаний и сведений богословских, основанных на устарелых и отживших догматах. Это безверие тот же «рок и стихия», как выразился Бердяев в отношении революции, но эта «стихия» проявляется в духовной сфере и остановить этот процесс заострения нашего сознания так же немислимо, как и пресечь революцию, когда недовольство народа уже созрело и накопилось. Мы капли этого великого котла, готового каждую минуту вскипеть. Присмотревшись к себе, мы увидим, что в нас самих много самых отрицательных страстей, подвергающихся воспламенению, и нет совершенно начал положительных и задерживающих, как знания и религиозности. Ведь религиозность наша лишь наружная, воскресная, а не глубокая и всегдашняя. От нескольких таких воскресно-религиозно настроенных людей мне не раз приходилось в разговоре слышать, что Учение Христа не для них, простых смертных; Он – Бог и потому Ему легко было исполнять и проводить в жизнь Свое учение, а не нам. Эти люди, аккуратно посещая церковное служение, совершенно не чувствовали великого кощунства, скрывающегося в их словах. Они бессознательно для себя делали приход Христа ненужным и страдания Его напрасными.

В религиозном мире мы видим полное крушение церкви в России; такое же ужасное истребление ее совершается сейчас в наирелигиознейшей Испании и какое-то начало близится к разгрому христианской религии в Германии. Вот вестники упадка и, может быть, общей религиозной революции. Многие ли люди, и в особенности из духовенства, думают о новых грядущих ужасах в судьбах народов мира? И причиной к такому индифферентному отношению является крайний фанатический консерватизм, не замечающий прогнившей догматики прошлых веков.

Этот консерватизм приближается к абсурду в отстаивании старых форм, бросает массы народа в неверие, в объятие атеизма, доходящий до кощунства он подготавливает руки для будущего разгрома святынь! Этот консерватизм делает необходимым образование нового русла человеческой мысли – отрицания всего и полного безверия, чтобы после вновь придти к вере с изломанной и измученной душой, но к вере, совершенно иной, не детски наивной – с воскресением тел, с искуплением, с адом и вечными муками. Сбе-

речь старое можно лишь уступая новому, жертвуя несущественным в пользу основного, ненужными деталями, мешающими этому новому вступить в свои права. Человек, не желая потерять малое, всегда рискует потерять все. Приглядевшись к истории, мы подметим эту черту пути человека и почему не воздержаться от повторения прошлых ошибок?

В эпоху падения духовных ценностей в человеческом быте, они всегда заменяются ценностями материальными. Страсть к наживе и вольное житье «как хочется» становится на место космическо-духовных требований «как нужно жить». Вера в Бога упала, а космической цели для всего живущего люди отрицать не могут, ибо они сами участвуют в этой жизни, но ее-то они не знают.

Человек не может жить без мировоззрения и оставаться все же «человеком» в высоком значении этого слова. Жизнь без мировоззрения есть жизнь звериная. Человеку – не зверю необходимо разрешить вопрос о смысле жизни. В противном случае, как бы он ни прикрывался фиговым листом цивилизации, он все же зверь, готовый в каждую удобную минуту наброситься на своего соседа и растерзать свою жертву, отобрать все его состояние. Это мы и видим в современном обществе. В зверином мире господствует право сильного – единоличный произвол. В человеческом обществе произошел маленький сдвиг и от единоличного произвола люди перешли к произволу государственному. Ни в одной стране, где бы она ни была, никто из нас не может обидеть бушмена, абиссинца, эскимоса и т. д., но целому государству напасть на более слабый народ и отобрать его волю и достоинство – это в человеческом обществе допустимо и не возбраняется. Разве это не звериное начало, не звериное право сильных и крепких челюстей и когтей? Только человек все это проделывает с барабанным боем или под музыку и с благословением духовенства, где оно не отменено, и от имени любящего Бога. И если побежденный и обезоруженный народ все же не может примириться с насилием и господством пришельцев, то начинается массовое уничтожение «непокорных», не взирая на возраст и пол. Как бы человек ни прикрывался цивилизацией и «законами», он все еще глубокий беззаконник – зверь по своему духовному состоянию.

Оглянемся назад на истекшее время и на все совершаемое людьми на всей нашей планете с общим попустительством всех остальных людей и народов. Все содеянное может происходить только лишь при отсутствии нравственных и моральных качеств в совре-

менном человечестве. Прогнило и рухнуло духовное начало, и явно обнаружилась под личиной цивилизации люди-звери. Эта антидуховная работа зверя продолжает шириться и развиваться непомерно в сердцах людей. Это гангрена духа, и причина тому – полное отрицание его и отсутствие должного духовного воспитания. Именно, у всех нападающих на уме лишь выгода. Выгода захвата чужих угольных копей, промышленных районов, рынков, выгода от сохранения власти при помощи духовного помрачения и затемнения сознания людей, выгода от сохранения мира любой ценой, хотя бы попустительством невероятных преступлений. Всегда и во всем лежит только лишь выгода.

Нет, дорогие граждане, с выгодой на уме и с попустительством всяческих несправедливостей человечество докатится до невероятного состояния. Для Космических задач ни наши и ничьи иные жизни не являются столь ценными, ибо Космические Силы сейчас же их восстановят, коли это будет нужным. Наши жизни и без всякой войны завершают и кончают свое бытие по всему лицу земли с немолимой неизбежностью. Но для Космических задач исполнение людьми ее великих законов является наипервейшей человеческой обязанностью. Принцип правды, справедливости, защиты малых и слабых должен быть проведен в сознание и обиход нашей жизни прежде всего, пока не развилось в нас понимание нашего человеческого ЕДИНСТВА и общности интересов всех без исключения людей и пока, наконец, из этих принципов и при расширенном сознании не зародится в сердцах великая любовь ко всем и всему.

«Также пойдем насколько необходимо отсутствие несправедливости. Нужно укрепиться в твердом решении, что несправедливость не будет допущена. Если такое решение будет твердо, то получится новое накопление сил. Нелегко оградить себя от несправедливости, она может быть оказана в любой подробности обихода. Не может быть малой несправедливости, каждая из них уже нарушает основу эволюции», «Братство». § 543.

Решительным, дружным и всеобщим одергиванием себялюбцев и черствых эгоистов мы не довели бы мир до кровопролития. Но всякий акт попустительства и уступок разжигает аппетиты с одной стороны, а с другой разрушает единство и веру в защиту и справедливость. Теперь разрушена эта вера, нет и не может быть уже той группировки и сплоченности из-за опасения предательства, которая могла бы образоваться вначале. Зверские аппетиты разыграют-

ся вновь, преграды им уже не будет и выйдет бойня, какой еще свет не видел. И великую ответственность за нее перед Космосом понесут на себе народы-предатели.

«...Никто не озабочен нравственным уровнем сидящих за решением судеб целых стран. Никто не помыслит, что из грязного не выйдет чистое», «Братство». § 502.

Закон «Причин и Следствий» или «Карма» довлеет над личностью, если она личная; над всею семьею, если она семейная; над целыми народами, если она народная; и даже над всем человечеством, если она общечеловеческая. Поэтому за вождей ответственен также и народ, руками которого творится зло и несправедливость.

«Если какое-либо лицо оскорбит безобидного и неповинного человека, то зло обратным ударом настигнет безумца, подобно легкому сору, брошенному против ветра», из поуч. Будды.

«Зло содеянное не сворачивается тотчас же, как молоко. Оно следует за безумцем, как тлеющая искра, которая, наконец, разгорается в жгучее пламя», из поуч. Будды.

«Не существует места на земле или на небе, или под водою, также нет такого в недрах гор, где бы злое действие не принесло страдание породившему его». (Дхаммапада).

«Один безумец, услышав, что Будда соблюдал великий принцип любви – платить добром за зло, пришел к нему и начал поносить его. Будда хранил молчание, жалея его безумие. Когда же безумец кончил свои поношения, Будда спросил его: «Сын мой, если человек отказывается принять дар, кому он принадлежит? И тот отвечал: «в таком случае он будет принадлежать человеку, предложившему его». – «Сын мой, ты поносил меня сейчас, но я отказываюсь принять твои оскорбления и прошу тебя оставить их при себе. Не будет ли это источником горя для тебя? Как эхо принадлежит звуку и как тень предмету, так же непреложно бедствие настигает содеявшего зло». Сказание из жизни Будды.

Христиане, имея великие поучения Христа, не верят Ему, и вся жизнь их потому лежит во зле. Быть может, встретив подтверждения, распространенные на противоположной половине земного шара, они поверят тогда непреложному, действительному значению Учений всех великих Учителей человечества и поймут, наконец, кто сыплет на их головы все беды и несчастья.

Не так важно наличие в стране писаных законов, как важно содержание в сердце и в сознании законов Космических. Каждый пи-

санный закон имеет около десятка пояснений и толкований, которыми, при желании, можно черное сделать белым и обратно. Но с Космическими законами, начертанными в наших сердцах, таких перемещений сделать нельзя. Вписываются же эти законы в сердца только лишь через расширенное сознание, выработкой мировоззрения и постижения смысла жизни. Без этой работы над собою мы не выйдем из шкуры звериной, какие бы ни надевали мундиры и сколько бы орденов ни цепляли на них.

Космические законы – законы вечности. Их поняли наши величайшие Учителя и преподали нам, изложив в своих бессмертных Учениях. Вот почему так важно знать их в чистом виде. Ведь все они искажались веками человеческим непониманием. Эти законы нельзя постигнуть во всей их глубине, не осознав смысла жизни и не выработав мировоззрения, как нельзя понять явления природы, не изучив физику и химию. Так же нет возможности разумно и содержательно прожить жизнь без вдумчивого отношения к ней, как нельзя пускаться в плавание без компаса и карты. Равно нельзя выстроить нового здания, не разрушив старого; нельзя вновь засеять поле, не вспахав и не обернув старую запашку. Так и старое мировоззрение, взгляды и верования, зачастую наивные и детские, сменяются на новые, отвечающие возросшему сознанию. Но эта новая смена не приходит сразу на место старой. В жизни всегда замечается сперва период сноса, разлома, крушения всего старого и отжившего и только лишь после наступает период созидания. Так и наши младенческие верования ушли, не выдержав острой, всеразрушающей критики нашего мышления и на арену нашей жизни выступил период безверия, когда новые знания не успели еще сложиться или быть воспринятыми широкими массами народа. Все еще державшийся силами нашего духовенства ветхозаветный наказующий (мстительный) Бог, требующий возжения свечей и кадильный фимиам (жертвы бескровной), теперь отринут, и, временно, люди остались вовсе без Бога, чтобы испить всю горечь и ужас жизни без Того, Кто есть вечная Истина и Любовь. Все пошло вкривь и вкось с потоками крови и слез. Но настанет новый этап жизни человеческой, и он уже настает, когда придут иные строители и отвергнутый Камень, очищенный от мусора веков, положат в основание своего Нового Дома. И не устами будут чтить и призывать великого Бога – Любовь, а всюю жизнью своей и криком истерзанного сердца своего.

В природе все прогрессирует, развивается и совершенствуется, или эволюционирует. Хотя наша наука пока признает и интересуется лишь физической эволюцией в лице большинства ученых, но, бесспорно, эволюцию следует распространить и на психические и духовные стороны нашей жизни. Такое стремление людей науки ограничиться лишь феноменами физического мира, обособить его от всех Тонких Миров, ставит сплошь и рядом направления изысканий ученых людей на ложный путь обособления, отрезая следствия от зарождающих причин. Боязнь впасть в ошибку часто приводит к еще большей ошибке. Ограничить мир причин нашей способностью видеть и воспринимать явления, нельзя возводить в догму. Именно, в огромном большинстве случаев причинность явлений заложена в сферах Тонкого Мира, не воспринимаемых нашими нервами, и такой догматизм в науке не должен иметь место в стремлении человека познать Истину. Не должна существовать ни одна область мысли и явления, которая была бы недостойна знания и чтобы представители науки имели бы право умыть руки и сказать, что эта сфера явлений нашей компетенции не подлежит. Все формы растительного и животного царства преобразуются в более совершенные. То же происходит и со всеми качествами и свойствами человека. Нельзя обособить его, изъять от общих законов Природы. Исходя из единства всего, как основного принципа Вселенной, можно вывести аналогию в развитии всех форм и явлений. И эта аналогия будет неоспоримым законом Космоса, единым путем сочетаний, развития форм, свойства и качеств, каковым существовали элементы и их молекулярные оживотворяющие принципы для достижения высших ступеней совершенствования. Каждая мысль, каждый порыв духа есть все новое и новое возношение его, преобразующее всю жизнь, дающее прогресс и эволюцию.

«Аналогия есть руководящий закон в Природе, единственная истинная нить Ариадны, которая может провести нас через самые запутанные тропы ее владений, к ее первичным и конечным тайнам». Тайная доктрина, том II, стр. 194.

Итак, согласно этой аналогии недопустимо для нас же самих задерживать великое течение реки эволюции, ибо мы сами, неразумные, будем ею же смыты, перенесем страдания, может быть, лишимся даже и жизни. Так было в прошлом, так будет и в будущем.

Чем сильнее сопротивление и отстаивание всего старого, тем полнее, острее и болезненнее крушение его. Более глубокий взгляд

на жизненный процесс всегда найдет в хаосе страстей и корыстных устремлений человеческих зерна новых побуждений к светлому, чистому и радостному устройению жизни всего рода людского. При допущении же прихода Новой Эры, люди расходятся лишь в определении тех сроков, когда должно произойти такое преобразование бытия человеческого. В большинстве случаев это преобразование жизни отодвигают в туман отдаленнейших веков. Но эти люди забывают всегда про существование закона «критического момента», который везде и всегда наблюдается в природе. Долго ждет свернутая почка растения этого момента, когда весной в один прекрасный день, а иногда и раньше, в несколько часов она раскроет свои свежие листочки и цветы. Размешанный с водою гипс только лишь через некоторый срок сразу схватывается и твердеет. Долго не сбивается сметана, но при достижении критического момента быстро переходит в масло. Химия и физика дадут множество случаев проявления этого закона в явлениях природы, а в исторической жизни человека сколько случаев отмечено было стихийного проявления воли и устремлений человеческих, совершенно неожиданных и негаданных по внешним своим признакам. Но всегда накапливание внутренних тонких, или духовных, сил происходит незаметно, исподволь и даже сам человек не в состоянии зачастую определить ни время, ни в какую форму выльются те эмоции его, кои явились благодаря трансмутации внутренних духовных сил на физический план нашей жизни. Только лишь широта нашего человеческого сознания может наметить путь, который приведет нас к переустройству человеческого общества. Оно должно совершиться, это чувствуется каждым почти человеком, но этот путь может быть пройден безболезненно и даже радостно при подготовленном сознании, или же со всевозможными эксцессами и ужасами при малой сознательности и с сопротивлением при корыстных и эгоистических устремлениях некоторой части населения. Роды должны совершиться, но предварительная подготовка к ним наметит путь, коим пойдет человечество.

Все в нашей физической жизни имеет начало и конец, рождение и смерть. Эти периоды в нашей жизни, как: молодость, расцвет и упадок – имеет каждый организм как индивидуальный, так и коллективный. Сколько уже изжито человечеством таких этапов, как феодализм, крепостничество и абсолютизм! Завершается, наконец, и цикл демократизма и социализма. Наше сознание их порождает

и наше же сознание их уничтожает. Но такой переход бывает тем болезненней, чем больше приверженцев, отстаивающих старое начало и не понимающих неизбежность грядущих построений, и чем туманней путь у строителей нового этапа.

Мысли об этом пути заставляют меня употребить все свои усилия к внесению хотя бы крупицы в величественное задание расширения сознания человеческого, ибо только таким путем, путем борьбы с нашими предрассудками, бедностью нашей мысли и убогостью нашего сознания, можно облегчить грядущий момент перехода. Поймем же, наконец, что требование жизни и эволюции сильнее наших желаний и грядущему завершению Космической воли не будет преград.

Во всей моей книге нет ни одного места, где бы я делал свои выводы на основании моей фантазии или личного измышления. Все обосновано исключительно на св. писании, а именно на Учении Христа и Его апостолов как высшего авторитета нашей веры и на исследованиях крупнейших ученых мира. Поэтому не к умалению веры направлена моя книга, а к выявлению лишь истины и правды. Суеверие и невежество не облегчают и не помогают в нашей жизни, а наоборот, затемняют путь человеческий. Поэтому нам всем нужно идти к неослабной борьбе с невежеством и предрассудками и скорее сбросить полог, скрывающий истину. Таким образом мы уберем возрастающую молодежь от гидры сомнения, как первого этапа к безверию. Нельзя допускать, чтобы в школе шло преподавание двух начал, исключаящих одно другое, чтобы науке составляли бы оппозицию богословские сведения, ибо таким образом мы засеваем хаос в умах молодежи и воспитываем сомнения, а в дальнейшем и безбожие. Вспомним эксцессы в Вене при разгроме молодежью дворца кардинала и нам ясен будет путь, подготавливающий почву для посева семян нетерпимости, злобы и сомнения. Только лишь СИНТЕЗ знания, веры и философской мысли может создать условия для благостного процветания человечества. Убережемся от мысли, что все подобные явления происходят не у нас, а где-то дальше, «в азиатской России», как часто говорили в западных странах, но вот теперь слагающаяся история народов подтверждает общность болезней и блага всего человечества, и обособляться от них нельзя никому.

ГЛАВА I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЙ И БОРЬБА С ЕРЕСЬЮ

«Ибо вы, оставивши заповедь Божью, держитесь предания человеческого...»

Марка 7 – 8

«Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа; потому что буква убивает, а дух животворит».

2-ое Послание Павла к Кор. 3 – 6

Почему предание было откинуто Иисусом в самую раннюю пору христианства? Почему Христос так решительно отверг всех законников иудейских? Каким образом можно сохранить чистоту Учения и уберечь великую вечную Истину от всяческих человеческих измышлений, разъяснений, преданий, обычаев и установлений? Во истину, только лишь духом возможно постичь все изреченное великим Учителем! Только ему – духу открыта тайна смысла и понятия, выраженного словом. Слово не может исчерпать всей глубины великой мысли, ибо беден язык человеческий и не найти ему подходящего выражения внутреннего своего понятия, чтобы полностью выявить им все удуманное и прочувствованное сознанием и сердцем своим. И, конечно, можно ли в таком случае держаться буквы, когда она не соответствует сущности? Как, например, понять ту глубокую мысль, каковую Христос стремился выразить в словах: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» – (Матв. 5 – 3)? Ведь не для бедных же духом уготовлено Царство Небесное, и не будет ли этими словами выражено вечное устремление и горение, вечные поиски духа за Истиной, вечная жажда знания, стремление к чистоте и другим проявлениям его? Если человек не довольствуется настоящим состоянием своим и, как нищий, стучится и просит дать ему на пропитание, то так и нищий духом будет стучаться во все двери, где может получить Истину и Знание, ибо в них он чувствует вечную нищету свою. Без та-

кого устремления эволюция духа немислима и она не двинется вперед, а потому не недостаточность духовности нужно разуместь под этими словами Христа, а вечную жажду расширения нашей духовности. Итак, не понятием и постижением буквы уразумеешь смысл сказанного!

Не потому ли еще восставал Христос против книжников и фарисеев, что легче стать на точку исполнения буквы учения, чем полностью провести дух его? Кроме того, Христос знал, что всякое писание переписывалось многими лицами и зачастую совершенно невежественными, которые не только делали ошибки, но иногда брали на себя смелость исправлять те места, кои казались им непонятными и неверными. Во-вторых, перевод с одного языка на другой всегда порождает неточности, а иногда даже и искажения. В-третьих, наконец, пассивное восприятие буквы, без работы мысли и сознания человека, не даст тех результатов, каковые желательно получить. Эта последняя мысль, взятая из пророчества Исаи, особенно ярко вытекает из слов Христа: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим» (Матвея 15 – 8). Но ведь развитие сердечной чуткости, сердечной деятельности человека, возможно лишь через осознание ее, лишь через врата мысли. Сознание и сердце тесно связаны между собою: одно дополняет другое и одно без другого не дадут надлежащей гармонии, что так необходимо для духовной жизни человека. Ни одно свойство духа так медленно и с таким трудом не развивается, как сознание человека и в этом заключается главная задержка наша на пути. Но и сама духовная сущность тоже подвержена эволюции, как и всякая иная сторона жизни, но может ли она эволюционировать без работы мысли – без нашего сознания? Для разрешения этого вопроса я позволю себе указать на крайний случай неразвитого сознания при большой духовности, а именно на юродивость; но при этом нужно исключить случаи умышленно принятого на себя монашеского подвига: собственного уничижения в глазах окружающих людей, т.е. несения подвига юродивости, испытываемая при этом со стороны обывателя насмешки и презрение. Природное, действительное юродство есть яркий случай, когда сознание человека далеко отстало от духовности. Юродивым духовность их часто давала прозрение грядущих событий, а подчас и силу исцеления людей. Ограниченность же сознания вызывала нелепость

поступков и несуразный лепет их разговора. И, конечно, такая духовность будет задержана на своем пути от дальнейшего продвижения, пока не наступит гармония между всеми сторонами нашей сущности. Поэтому сильно прегрешают те люди, которые удерживают и себя, и других от сознательного восприятия писаний, от глубокого и серьезного продумывания, сопоставления и критического отношения. Они ссылаются, обычно, на следующие тексты писания: «Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам...» (Второзак. 4 – 2), или «Все, что я заповедаю вам, старайтесь исполнить, не прибавляйте к тому и не убавляйте от того» (Второзак. 12 – 32), или «Не искажай слова Божьи» (2-ое пос. к Корин. 4 – 2). Да, совершенно верно, нельзя ни исказить, ни прибавлять и ни убавлять. Но ведь это обязанность человека вообще перед каждым словом, не только Божьим, а и всякого человека, писанным или даже сказанным, но это не значит, что каждый из нас должен все высказанные мысли буквально понимать и исполнить. Что было бы, если бы мы, не вдумываясь в смысл Моисеева закона: «Око за око и зуб за зуб», стали бы так поступать? Но когда мы вспомним другие слова: «Мне (принадлежит) отмщение и Аз воздам», а теперь прибавьте: «око за око и зуб за зуб», тогда получится совсем другая картина, не требующая дальнейших пояснений. (Рим. 12 – 19 и Второзак. 32 – 35; Левит 24 – 20). Не нужно забывать, что все Учения даются Писаниями Божьими ПО СОЗНАНИЮ человеческому, или, как сказано «по ЖЕСТОКОСЕРДИЮ вашему» (Матф. 19 – 8). Все, что было естественно и хорошо пять или шесть тысяч лет назад, то уже становится неприменимо в эпоху Христа. По закону Моисееву требовались кровавые жертвы: «Повели сынам Израилевым и скажи им: вот жертвы, которые вы должны приносить Господу – два агнца однолетних без порока на день во всесожжение постоянное...» (Числа 28 – 3). Учением же Христа были предписаны чистота сердца и любовь к Богу и людям, даже и к врагам своим. Во всей ветхозаветной Библии красной нитью проведено представление о Боге, как о мстительном Начале, приходящем даже в ярость: «Вот скоро изволю на тебя ярость Мою и совершу над тобою гнев Мой, и буду судить тебя по путям твоим, и возложу на тебя все мерзости твои. И не пощадит тебя око Мое и не помилую» (Иезекиль 7 – 8 – 9). Но много тысячелетий спустя с ростом человеческого сознания и Учение о Боге приобрело иной, благостный и всепрощающий облик, что требуется и от нас, людей, всем Учением Христа.

Даже в тех случаях, когда Христос не отменял старого закона, как обрезание, теперь ни один сегодняшний книжник и законник не будет настаивать на его применении, хотя апостолы Петр и Иаков усиленно старались проводить его (см. Послание к Галатам гл. 2). Или несмотря на то, что Христом запрещен развод – «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Матф. 19 – 6), – наши Церкви дают разводы и венчают разведенных. Иначе сказать, все творится по сознанию или по жестокосердию нашему, так как во многих случаях мы «еще и теперь не доросли до надлежащего понимания и исполнения закона Христа. Поэтому сейчас на границе Новой эры и нужно стремиться возвысить и очистить сознание наше или избавиться от жестокосердия своего. С достижением же расширенного и углубленного сознания уже не потребуются больше никакие писанные законы, ибо мы уже сможем руководствоваться нашим облагороженным сознанием, гармонично настроенным с велениями сердца. Все низшее творение Бога и все Высшие Его «Сыны» (Матф. 5 – 45) не имеют писанных законов. Первые потому, что не разумеют их, а вторые потому, что им они не нужны уже, ибо их сердце требует от них много больше, чем могло бы быть сказано во всех писанных законах. И мы, восходя по великой лестнице Иакова, постепенно отрешаемся от необходимости иметь подобные законы. Тот, кто никогда и никого не убьет по чувству сострадания и запрета своего сердца, не нуждается уже больше в шестой заповеди Моисея, а кто не украдет, по тому же запрету сердца, не встретит нужды в восьмой заповеди. Христос не обременил своих учеников обилием всевозможных заповедей и законов, но старался развить те качества сердца и сознания, кои делали бы излишними все писанные законы. Он дал лишь две заповеди: «возлюби Господа Бога твоим всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобно ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки». (Матфея 22 – 37).

Как много предрассудков и суеверий порождаются неправильным изображением великих истин, благодаря предвзятости и односторонности понимания соответствующих строк писаний, чем и сбиваются с пути люди, желающие идти и следовать Учению. Как, например, я укажу на требование писаний отдать все свое имущество бедным и затем только следовать Учению. Это требование обосновывается на Евангелии от Матфея 19 – 21. «Если хочешь

быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим». Все это было сказано для стремящихся к высшей, а, может быть, и к последней ступени совершенства. Ибо к совершенству не придешь со всем земным багажом. Когда ученики Иисуса были удивлены трудностью войти в Царство Небесное, Христос ответил: «... человеку это невозможно, Богу же все возможно». В этих словах указывается на помощь Бога, когда наступит пора очистившемуся человеку совершить этот последний шаг. Либо Владыкою Судеб будет отнята та ноша человека, которая будет ему мешать на дальнейшем пути, либо этот человек будет рожден в таких условиях, когда перейти к отказу от житейской обычной ноши будет нетрудно. Но эту возможность изменения условий жизни, зависимых не от нас, многие из последователей Христа не понимали. В основу достижения Царства Божьего, как необходимое условие, клалась помощь бедным, а не освобождение личное от перегруженности земной ношей, с пламенным устремлением и полной отдачей себя служению Богу и людям. Конечно, такому воззрению у последователей Христа способствовала идеология нищенства и бедности, с привычкой к постоянному получению подаяния и подачек.

В великом Космосе столь же велика и возможность сделать всех детей Его счастливыми и обеспеченными всем, что нужно, ибо велика необъятность и неисчерпаемость богатства всего мироздания. Поэтому недостаток и бедность людей имеет совершенно иную причину и она не может быть уничтожена отдельными личностями. Это, конечно, не значит, что мы не должны помогать бедным – все зависит от тонкости ощущения нашего сердца, от теплоты его, для успокоения и удовлетворения коего, собственно, мы и делаем подобную помощь, но в принцип нашего спасения или совершенства такую раздачу возводить нельзя. О тонкости ощущения сердца, или совершенстве его, до некоторой степени можно судить по раздаче помощи, если она идет от сердца, но раздачей не достигается совершенство нашего сердца. Сердце как высший орган нашего тела требует и наиболее тонких энергий – мысли чистой и возвышенной. Поэтому требование раздачи не могло быть задачей великого Учителя, обладающего великой Мудростью, а шло оно от его последователей, не понявших смысла Учения.

Все вершится на свете по космическому закону. Им же наделяется человек сердцем, глазами, разумом и богатством. И нужно ли человеку отказываться от чего-либо ниспосланного Господом? Нет,

но нужно разумно использовать дары Господни, а не для соблазна, обладая ими. Нужно достойно направлять глаза свои не в сторону зависти и прельщения, а на пользу общую для блага всех и каждого. Так же нужно распорядиться и со своим богатством. Грех и гибель наша таится не в нем, а в нас, в нашем сознании, от качества чувств, от вожделений и устремлений, обуреваемых нами. Все наши эгоистические и суетные желания порождают и тучу мыслей, не возвышающих нас, а, наоборот, закрепощающих и принижающих наш дух. Мысль наша как жаворонок весной должна взвиваться вверх к свету, общей радости и благу, а не быть прикованной к сундуку с деньгами, не внемля стонов и слез человеческих.

Ни одним великим Учением нашего Мира не требуется раздавать свое состояние и самому возложиться на плечи других. Христос сказал: «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Матф. 18 – 9); но ведь Он не говорил того, чтобы человек обязательно ослепил себя прежде, чем вступить на путь Учения, но тогда только, когда глаз соблазняет человека, да и то все это было сказано не в прямом отношении к глазу, а ко всякому соблазну, имеющему власть над человеком. Так и богатство будет тогда соблазном, все равно имеет ли его человек или даже не имеет, но когда оно влечет его и соблазняет.

По этому поводу имеется прекрасное сказание в «Криптограммах Востока» (стр.20) «Однажды ученик спросил Благословенного: «как понять исполнение заповеди отказа от собственности? Один ученик покинул все вещи, но Учитель продолжал упрекать его в собственности. Другой оставался в окружении вещей, но не заслужил упрека», – «Чувство собственности измеряется не вещами, но мыслями. Можно иметь вещи и не быть собственником». Будда постоянно советовал иметь возможно меньше вещей, чтобы не отдавать им слишком много времени».

«Именно, каждый соблазн – как бы бремя и заключается лишь в сознании, потому во всех Учениях отказ от видимой собственности именно в сознании, а не в буквальном смысле». Из писем Е.И.Р.

Люди не хотят понять, что множество немощей как физического тела, так и народного организма происходят от неполноты жизни, а именно в отсутствии духовной ее стороны и малого развития нашего духа, в малой заботе о нем. Отсутствие желания понять эту истину кроется в неверии в существование великого Духа. Неверие

и отрицание – это нож, обрезающий всякую связь тонких вибраций, питающих ее от великого Космоса. От этой причины идут множество немощей физических и психических как в индивидуальном, так и в народном организме. Евангелие поучает: «Отец Мой во Мне и Я в Нем», – а в индусских священных писаниях сказано: «Ты есть То». Поглощенные материальной заботой только о себе, мы не вдумываемся в сокровенную сущность этих слов, которые говорят нам о законе «единства» всего. Помыслим о единстве материи, как мыслит теперь наука; о таком же единстве энергии, переходящей из одного вида в другой. Наши величайшие Учителя знали и о единстве великого Духа – первого аспекта нашего Отца.

Если бы мы с самых малых лет были воспитаны на этих понятиях, то, поверьте, были бы уже созданы условия жизни, когда совершенно отсутствовал вопрос о бедных, ибо их и не было бы, как и всевозможных международных осложнений, ИБО МЫ ЗНАЛИ БЫ, ЧТО «ТЫ ЕСТЬ ТО». Не подачками и подаяниями, не благотворительными комитетами и вечерами в пользу бедных разрешить этот вопрос, а переустройством жизни на основе, что «ТЫ ЕСТЬ ТО» или «Я В ВАС И ВЫ ВО МНЕ». Пока мы не примем этих истин и не проведем их в жизнь – мы не христиане, мы лжецы, обманывающие себя и других, и эгоисты вдобавок, несмотря на все наши подачки. С одной стороны мы стремимся облагодетельствовать нищих и бедных, а с другой их же создаем нашими несправедливостями, вооружениями, неприязнью, враждой и войнами.

Помните слова Иисуса: «Что смущает женщину, она доброе дело сделала для Меня. Нищих же всегда имеете с собою». Матф. 26 – 10. Не о себе, конечно, Христос заботился и не себя Он выявлял в этом месте Учения Своего, дело Свое всегда Он ставил выше всего. В этих словах Он выказал большую заботу и благоговение к проявлению ЛЮБВИ человеческой, к высшему качеству нашего духа. Поэтому, если и есть в этих словах кой-какая неясность, то она заключается в изложении, а не в великом Учителе.

Могут спросить, почему же вся тяжесть нищеты легла на отдельных людей, когда в общем неустройстве жизни виноваты все? Верно, но нельзя и забывать, что не все отрезают те токи или нити благополучия и помощи, не все и в неодинаковой степени отстраняют Руку ведущую и тем уготавливают сами себе свою судьбу. То есть, люди создают причину, которая привлекает и соответствующее действие. Чаша горечи за наши поступки и мысли должна

быть испита, и, если люди уничтожат бедность, то эта чаша горечи и слез за наши деяния придет другими воротами, что мы тоже не должны забывать. Люди не в силах избавить своих близких от ожидающих их бед, но они могут и должны избавиться от нищеты, ибо все же, несмотря на все наши недостатки и несовершенство – «Ты есть То».

Откупаться от бедных жалкими грошами равносильно употреблению успокоительных капель для нашей совести, если наше сознание не может работать гораздо дальше и глубже – к познанию и устранению причин, создающих это бедствие. Именно, только расширенное сознание человечества приведет к искоренению этого зла. Это расширение – самое важное и доступное дело в настоящее время, а подачки должны быть делом второстепенным. Первопричина творения в силах облагодетельствовать целые Миры, когда это нужно в согласии с Его мудростью, а не только жалких обитателей одной из самых маленьких планеток Мира. И если это не сделано, то не из-за немощи Его или недостатка любви, а потому, что ЭТО ТАК НУЖНО¹. Только сознавая все это, и все же не имея возможности под давлением сердца нашего пройти мимо обездоленного, мы поможем по силам своим, но не ему, ибо в таком случае мы подчеркиваем жестокость Бога, оставляющего на произвол своих детей и это было бы кощунством, а Богу в нем.

Нас, стремящихся к духовному развитию, обвиняют часто в черствости сердца к бедам людским и в том, что мы противники помощи бедным, но нас не хотят понять наши обвинители: мы знаем, что от века веков существовали наши несправедливости и с тех же пор были и бедные и, несмотря на все подачки людей сердобольных, они все же не переводятся. Подачки делает каждый, в зависимости от теплоты его сердца, делаем это и мы и, может быть, не меньше других. Но разница в том, что все люди этими подачками замазывают, заглушают главный и основной вопрос о причине возникающей бедности и о способе уничтожения ее. Знающие же сокровенное Учение всегда ясно видят и сознают несоответствие

¹ Божественное Начало мудрое и благодное разлито во всем сущем и мощь Его может как создавать, так и разрушать целые миры, потому человеческое сознание должно настолько поднять свое духовное восприятие, чтобы в полном согласии с этою мощью творить благие причины, зная, что каждое нарушение Благих законов вызывает тяжкие следствия. Все имеет значение и ценность лишь когда оно воспринято сознанием, а не ограничивается лишь внешним проявлением. (Из письма Е.Р.)

нашего быта с велением вечных законов и стремятся провести эти законы в жизнь². Нельзя ставить требование раздачи имущества и не учитывать весь историко-экономический процесс человечества. Потому такое требование исходило от неимущих последователей Христа, не знавших и не понимавших великих экономических процессов. У Христа были тайные ученики Его, как Никодим и Иосиф Аримоефский. Они не принадлежали к неимущим людям, а, наоборот, к зажиточному классу и все же нигде не сказано, чтобы и к ним было обращено требование о раздаче имущества, или не сказано, что они уже раздали его. Затем, наконец, к великим святителям Церкви и отцам ее принадлежали состоятельные и влиятельные люди княжеского и даже царского рода, которые не отрешались ни от своей власти, ни от своих богатств, а все же были угодными Богу, как князья Борис и Глеб или Александр Невский, Акбар, император Индии, и много других. То же понимание было и у учеников Будды. Одно прекрасное сказание по этому поводу из жизни Будды я позволю себе привести:

«Анатхапиндика, человек несметного богатства, прозванный «покровителем сирот и другом бедных», услышав, что Будда остановился в бамбуковой роще вблизи Раджагрихи, немедленно отправился к Нему. Благословенный тотчас же увидел чистоту сердца Анатхапиндика и приветствовал его благостными словами. Анатхапиндика сказал: «Я вижу, что Ты – Будда, Благословенный, и хочу открыть Тебе мое сердце. Выслушай меня и посоветуй, как мне поступить. Моя жизнь полна работы, и я приобрел большое богатство, я окружен заботами. Тем не менее, я люблю свое дело и прилежу ему со всем усердием моим. Много людей работает у меня, и благосостояние их зависит от успеха моих предприятий. Но я слышал, как Твои ученики восхваляют благодать и радость жизни отшельника и осуждают суету мирскую. «Благословенный, – гово-

² Они знают повеление прежних времен: «отдай все», но знают и требование настоящего момента: «возьми все, но не считай своим». Разве высокая мудрость и знание не дается людям постепенно, по мере созревания их духа и сознания? И не потому ли раньше приучали к высшей жертвенности в понимании того времени: «отдай все», а теперь не говорится ли: «возьми все, но не считай своим»? (Л.С.М. кн. 2-ая, гл. IV – 14). Ибо это все тленно и являет собою мираж и многое из него продолжительностью простирается даже меньше человеческой жизни. В этом указании, «но не считай своим», не заключается ли требование не связывать свой свободный и вечный дух с преходящим и временным?

рят они, – отказался от своего царства и нашел путь праведный и тем подал пример всем, как достичь Нирваны». «Сердце мое жаждет поступить справедливо и стать благословением для всех моих ближних. Потому я хочу спросить Тебя: должен ли я отказаться от моего богатства и моих дел и, подобно Тебе, избрать бездомие, чтобы достичь благодати и праведной жизни?».

Будда отвечал: «Благодать праведной жизни достигается каждым, кто следует благородному Пути Восьми Ступеней. Тот, кто привязан к богатству, пусть лучше оставит его, нежели позволит отравить им свое сердце, но тот, кто не привязан к богатству и кто, обладая им, праведно употребляет его, будет благословением своим ближним. Я говорю тебе: сохрани свое положение и еще усерднее приложи свое умение к делам твоим. Не жизнь и не богатство, и не власть делают из человека раба, но лишь его привязанность к миру, чтобы вести жизнь беззаботную и бездеятельную, ничего не достигает. Ибо жизнь в лености есть отвращение, и немощь силы должна быть презираема. Дхарма (долг) Татхагаты не требует, чтобы человек непременно избрал бездомие или отказался от мира, конечно, если он не чувствует к этому призвание. Но Дхарма Татхагаты требует, чтобы каждый человек освободился от иллюзии самости, очистил свое сердце и отказался от жажды к наслаждениям и вел праведную жизнь. И что бы человек ни делал: будет ли он ремесленником, купцом, или воином, или удалится из мира и посвятит себя молитвенному созерцанию, – пусть он вложит все свое сердце и прилежание в свою работу, пусть он будет усердным и деятельным. И если он будет, как лотос, который растет в воде и тем не менее остается не тронутым ею, если он будет биться в жизни, не питая зависти и ненависти, если будет вести жизнь не для услаждения самости, но лишь для истины, тогда радость, мир и благодать несомненно пребудут в сознании его».

Теперь посмотрим как создавались св. Писания, чтобы судить о том, насколько они незыблемы и непогрешимы, как принято думать.

Евангелие по-еврейски «besora», т.е. «благая весть». По-гречески эти слова переводятся, как «евангелион». Эрнест Ренан в своем труде «Евангелие и второе поколение христианства» говорит: «Материалом служило предание, а предание, по своей сущности, – мягкий растяжимый материал. К действительным словам Иисуса при-

мешивались слова более или менее предполагаемые. Происходило ли в общине новое событие, или появлялось новое направление, сейчас же себя спрашивали: что бы подумал об этом Иисус; распространялось ли какое-нибудь выражение, и без всяких затруднений его приписывали Учителю. Таким образом, сборник беспрерывно обогащался и вместе с тем очищался. Устранялись слова, которые слишком живо задевали убеждения того времени или казались опасными. Но сущность оставалась неизменной. Она, действительно, имела прочное основание. Евангельское предание – это предание церкви Иерусалима, перенесенное в Перею. Евангелие зародилось среди родных (ближайших учеников?) Иисуса и есть, до известной степени, создание его непосредственных последователей. Это и дает право считать образ Иисуса, даваемый Евангелиями, сходным в главных чертах с оригиналом. Эти рассказы одновременно история и образ. Вследствие присоединения вымысла заключать об отсутствии там достоверного – значило бы впасть в ошибку от излишней боязни ошибки». (Стр. 67).

Целый ряд тружеников науки проводили по десятку, а то и до полутора десятка лет каждый над кропотливой работой переводов древнейших фолиантов, их сличения и сопоставления отдельных мест, с изучением стиля изложения, оборотов речи, характера и точности описания всех евангельских повествований. И вот, на основании таких долгих и трудных работ они пришли к заключению, что труды создания Евангелий принадлежат не известным нам евангелистам, а другим неизвестным нам лицам. Евангелисты лишь собирали ходившие по рукам записи и устные сказания и компилировали все собранное в одно целое.

В этом своем обзоре я не коснусь писаний Ветхого Завета, так как не имею для того необходимых трудов по исследованию истории их возникновения. Но по аналогии же можно заключить, что и их возникновения не отличались от создания Нового Завета.

Но для лучшей убедительности я лучше приведу выдержку из труда И.Д. Андреева из 760 с лишним страниц, изданного в Петрограде в 1914 году под названием «Пособие к истории Церкви».

(Стр. 123) «Евангелие от Иоанна, как известно, резко отличается от евангелий синоптических, т.е. первых трех наших евангелий, как по содержанию, так и по характеру изложения: ни отношение Иисуса к иудеям, ни манера его проповеди, ни чудеса, ни рама хронологическая, ни обстановка географическая не напоминают синоп-

тиков (сходных между собою)... Попытка Э.Ренана отстоять подлинность евангелия от Иоанна и использовать его для «Жизни Иисуса» – во Франции была признана скорее литературным, чем научным предприятием. Решимость отрицать подлинность 4-го евангелия давалась исследователям, однако, с трудом. Некоторые остановились на пол-дороге: не признавая евангелие произведением Апостольским, допускали возможность написания его учеником Иоанна, пресвитером Иоанном. Совершенно исключительное место в литературе 4-го евангелия до сих пор занимали две монографии, вышедшие в 1901 и в 1903 г.г., профессоров Парижского Университета Ж. Ривилия и А. Люази. Они расшатали воззрения, опиравшиеся на предание об Иоанне Ефесском апостоле или его ученике, как составителе нашего евангелия. Это евангелие, согласно выводам французских ученых, есть произведение богослова – мистика, напоенного идеями Филона Александрийского, давшего богословскую мистико-аллегорическую интерпретацию традиций, которую мы находим у синоптиков. В последние годы изыскания касательно 4-го евангелия приняли иное направление. Прежде всего следует назвать имена профессоров Велльгаузена и Шпитта. Работа первого, появившаяся в 1908 г., произвела сенсацию, как и все, что выходило из-под пера этого выдающегося семитолога. После очень тщательных наблюдений над составлением 4-го евангелия, Велльгаузен пришел к заключению, что в нем необходимо различать несколько литературных слоев. Ему кажется, что гл. XVI – 31 имеет свое естественное продолжение в XVIII – 1, что речи, находящиеся в гл. XV, XIV и XVII, являются вставкой. Гл. VII – (3 – 4) предполагает, что доселе Иисус действовал только в Галилее и не был еще в Иерусалиме на празднике Пасхи, а это путает всю хронологию. Часто встречаются удвоения повествований, например, VII 25 – 30 и VII 40 – 44, XIX 1 – 15 и др. В евангелии не выдерживается одна, хотя бы и простая точка зрения, как это есть, например, у Марка. Рассказы заставляют предполагать вставки, речи не отличаются раздельностью повествования, изобилуют вариантами и нередко прерывают изложения таким образом, что остается неизвестно, при какой обстановке они были сказаны. Из бесформенного и монотонного материала поднимаются, однако, отдельные места, образующие определенную, хотя и прерывающуюся линию. Они выделяются из целого, но составляют остов его и могут быть рассматриваемы, как первооснова всего произведения. К этому остову при-

крепляются прибавления. Целое, таким образом, есть, как и большая часть иудейской и древне христианской письменности, продукт литературного процесса, имеющего несколько стадий. Первооснова по объему является незначительной по сравнению с последующими прибавлениями. Разумеется, и она не сохранилась в неприкосновенном виде, и даже более: самое выделение ее слоев, на нее легших, не может быть произведено с полной уверенностью ... Со стороны содержания первоосновы – А заключает больше повествовательного материала. Главные из речей должны быть отнесены к обработке – В. В А просвечивает иногда еще план древнейшего из синоптиков – Марка, и некоторые сказания обнаруживают близость к нему. Но тем удивительнее, что автор так мало считал себя связанным древним преданием и представляет не позднейшую переработку предания, а оригинальное произведение настоящего автора, оставшегося неизвестным. Принадлежит ли ему пролог, неизвестно. У него нет рассказов о детстве Иисуса, как у Марка.

Как и у Марка в начале евангелия стоит Иоанн Креститель. Ученики, по А, не составляют тесной группы вокруг Иисуса. Он живет со своей семьей, с матерью, с братьями (II – 5, VII – 3, 4). В сопровождении их он переселился с родины, которая оказывается Кана, а не Назарет, в Капернаум. С ними он потом переходит в Иерусалим; между тем как по Марку, он идет в Капернаум один, отделяется от матери и братьев и своих учеников называет своей семьей. Главное содержание Галилейского периода Марка – в А отсутствует совершенно. Этот период, как и у Марка, кончается повествованием о чуде насыщения 5000 человек. Далее следует не странствование, как у Марка, заканчивающееся прибытием в Иерусалим, а путешествие туда по требованию братьев. Здесь Иисус, по А, совершает два чуда: входит в столкновение с иудеями и удаляется из святого города. Этим заканчивается средняя часть А. Последняя начинается повестью о воскрешении Лазаря, что приводит Иисуса снова в Иерусалим. Во время второго пребывания здесь Иисус не делает по А выступлений. Сцены допроса перед синедрионом, предательства Иуды и отречения Петра в А нет. Все эпизоды Марка, в том числе Вараввы: посмеяние воинов, заушания – опущены. Смерть Иисусу не представляется страданием. Он не отдаляет ее. Сцены в Гефсиманском саду с молением о чаше, а так же возгласа: «Боже мой, Боже мой, зачем Ты оставил меня!» – в А нет. В отклоняется от Марка в главном пункте сильнее, чем А, именно в указа-

нии числа путешествий на пасху в Иерусалим. Благодаря этому, древнее предание, лишенное хронологической оправы, втискивается в схематическую хронологию, иногда чисто внешним образом, как, например, VI – 4 и X – 22, и число лет служения Христа растягивается на три, четыре года. Так как путешествие на праздник составляет главное содержание уже галилейского периода, то Галилея и Капернаум в В отступают на задний план перед Иудеей и Иерусалимом, как места его убежища во время преследований. Речей в А гораздо менее, чем в В». (Велльгаузен выписывает все).

«Несмотря на различные слои в евангелии, исторически оно может быть рассматриваемо как единое». Переработка вышла из тех же кругов, для которых предназначалась и начальная основа. Целью составления евангелия была корректура древних верований христианской общины...»

«Путем различия двух главных слоев идет и проф. Шпитта в обширной монографии 1910 г. Он производил свои наблюдения на протяжении более 15 лет и был вынужден идти в этом направлении случаями несогласованности, шероховатости изложения ... Весь текст евангелия полон указаниями, что над ним работала аллегоризирующая, догматизирующая рука... Затем глубокое различие между древнейшим из синоптиков Марком и А заключается в том, что в нем общественное служение Иисуса удлиняется на несколько лет, тогда как по Марку до пасхи страданий не прошло и года... Вообще речи Христа, как их знало А, древнее речей синоптиков. Но зато речи В гораздо позднее тех, которые даны у синоптиков и характеризуют только богословие 2-го века. Что касается автора, то наблюдение над А приводит Шпитта к одному из ближайших учеников Иисуса – Иоанну. В А нет ничего, что противоречило бы признанию этого сочинения древнейшей евангельской записи. Здесь нет следа стереотипной формы евангельской литературы, преобладавшей позднее. Вступление, заключение и весь подбор материала показывает, что автор не имел намерения написать возможно полную историю Иисуса или дать такой очерк его жизни, который бы содействовал утверждению веры в Него, как Христа, что ставил себе целью автор В...».

«Первые три евангелия называются синоптическими в виду поразительного сходства между ними. Сходство это касается прежде всего содержания. Евангелисты, особенно Матфей и Марк, ограничивают свой рассказ только галилейскою деятельностью Иисуса.

Беседы и речи, особенно у Матфея и Луки, передаются почти одни и те же и при том, конечно, в ничтожной части по сравнению с тем, что Иисус говорил в действительности. Внешняя форма повествования у синоптиков очень однообразна. Общее движение, распорядок, группировка материала совпадают примечательно. Совпадение простирается и на мелкие детали. Многие эпизоды переданы у всех с буквальным тождеством, например, история преображения, рассказ о расслабленном (Мф. 9, Мк. 2, Лк. 5) и т. д. Отдельные изречения и беседы Иисуса иногда у всех трех, а чаще у двух, приводятся совершенно одинаково – факт тем более любопытный, что евангелия написаны на языке греческом, а Иисус говорил на языке арамейском: переводы, как известно, никогда не повторяют друг друга буквально. При столь значительном совпадении у синоптиков мы находим однако немало различий. Даже в местах сходных встречаются варианты, которые иногда доходят до противоречия, (Ср. о Гадаринских бесноватых у Мф. 8 – 28, Мк. 5 – 2 и Лк. 8 – 27) детали иногда разрушают гармонию параллелизма, как это мы видим, например, в рассказах о воскресении. Рядом с повествованиями, имеющимися у всех трех евангелистов, есть такие, которые находим только у одного или двух из трех. Если большую часть рассказов Марка мы видим у Матфея и Луки, то с другой стороны у Марка мы находим только ничтожную часть тех изречений, которые читаем у Луки и Матфея. Связь повествований, комбинация изречений представляют во всех трех евангелиях большие разности. То же надо сказать о словаре евангелистов. Половина слов Марка повторяется в евангелии Матфея, одна треть его словаря повторяется у Луки; но только одна четверть словаря Луки повторяется у Матфея. Возникает нужда объяснить происхождение этих сложных отношений между синоптиками и потребность оценить значение этих отношений для толкования и понимания текстов...»

(Стр. 136) «В 1899 г. появилась книга проф. Вернле: «Синоптическая проблема»... Зависимость Марка от Матфея исключена безусловно. Наше евангелие под именем Матфея с его догматическими корректурами, с его резким антиюдаизмом, с его полемикой против ложных христианских пророков, с его повествованием о рождении Иисуса должно представляться, по сравнению с евангелием Марка, позднейшим всякому, кто сохранил каплю исторического чутья. Если у Матфея есть места необычайной ценности, которыми он превосходит Марка – именно изречения Иисуса (нагор-

ная проповедь), то как показывает евангелие Луки, где те же изречения приводятся в другом порядке и в иной обстановке, эти изречения обращались в особой записи. Именно эта запись вместе с евангелием Марка легла в основание евангелия Матфея³. Возможно, что Марк знал уже эту запись, но он не пользовался ею. Его задача была иная: он хотел дать очерк жизни Иисуса для доказательства Его богосыновства. Итак, Марк почерпнул содержание своего евангелия из устной традиции. Исключение составляет только эсхатологическая речь Иисуса в гл. 13 (о судьбе Иерусалима). Ее Марк мог взять из какого-либо апокалипсического памфлета в готовом виде. Матфей и Лука пользовались евангелием Марка в том виде, в каком мы имеем его теперь. Марк не преследует никакой тенденции, кроме разве той, которая присуща всем произведениям начального христианства – доказать, что Иисус, несмотря на страдания и смерть, есть Мессия и Сын Божий; смерть не умаляет его достоинства, потому что она входила в его предназначения».

Шаг вперед по сравнению с Вернле делает проф. Вреде. Он признает основные выводы Вернле:

«а) Марк служит источником для Матфея и для Луки⁴. Порядок его повествования принят и другими синоптиками. За первенство Марка говорит то, что у него нет рассказов о детстве Иисуса. Как ни поэтичны эти рассказы у Матфея и Луки и даже именно потому, что они так поэтичны, на них следует смотреть, как на сказания. Если бы Марк читал их у Матфея, он не расстался бы с ними. То же доказывают многие детали: «Учитель благой, – говорит Иисусу богатый юноша, – что делать мне, чтобы наследовать жизнь вечную?» Иисус отвечает: «Зачем называешь меня благим? Никто не благ, только один Бог». Так рассказано у Марка (X – 17 и сл.). У Матфея

³ У Марка сказано: I – 21, 22: «И приходит в Капернаум; и вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил. И дивились Его Учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжник».

У Мат. же V – 1: «Увидел же народ, Он взшел на гору; и когда сел, приступили к нему ученики Его. И отверзиши уста свои, учил их...» (поучение продолжается вся глава V, VI и VII), заканчивается так: «И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился Учению Его. Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи».

⁴ Сравните: Мат. XV – 8 и М-к VII – 6; Мат. XIX – 5 и М-к X – 7; Мат. XXI – 13 и М-к XI – 17; Мат. XXI – 42 и М-к XXII – 10; Мат. XXIV – 15 и М-к XIII – 14; Мат. XXVI – 31 и М-к XIV – 27.

И опять повторяю, что Христос говорил по арамейски, а евангелии написаны на греческом языке.

это место передано иначе (по исправленному тексту, а не по русскому переводу, который сделан с плохого *textus receptus*: «Учитель, какое благо сотворю, чтобы наследовать жизнь вечную?» Иисус отвечает: «Что меня спрашиваешь о благе? Благ один бог». (Мф. XIX – 16 и др.). Это различие можно объяснить только тем, что форма вопроса у Марка: «Зачем ты называешь меня благим?» – автору евангелия Матфея показалась неуместной, зароняющей сомнение в достоинстве Иисуса».

в) Кроме Марка, в основе евангелий Матфея и Луки лежит еще другой источник, именно в тех частях, которые не заимствованы у Марка и в которых между ними двумя опять наблюдается поразительное сходство. Это наблюдение относится к большинству речей Иисуса. Они обращались в отдельном сборнике, который был составлен для удовлетворения миссионерских и других практических нужд.

с) Для тех мест, которые имеются только у Луки или только у Матфея, нужно предположить существование еще одного или нескольких источников, теперь утраченных. Это предположение необходимо, потому что невозможно допустить, чтобы Лука сочинил те рассказы, которые имеются только у него. Сюда относится ряд притчей Иисуса, которые с полным правом могут быть причислены к лучшей части евангельского предания».

Но Вреде не ограничивается признанием этих выводов. Он ставит вопрос дальше. Каковы источники Марка? Наше второе евангелие представляет ли собою древнейшую его редакцию или позади его существовало еще перво-евангелие Марко-Urmarkus? На эти вопросы Вреде не дает прямого ответа. Но он того мнения, что предание, занесенное в наше второе евангелие, уже подвергалось переработке в духе догматических предпосылок и только самым несовершенным образом отражает действительную жизнь Иисуса:

«Очерк жизни Иисуса закрашен и местами очень сильно, хотя первоначальные краски всюду просвечивают через позднейшие слои. Задача науки – очистить, где только возможно, наносные пласты и освободить из-под них подлинное изображение».

(Стр. 139) «После нескольких остроумных попыток опытных работников (напр. J. Weiss) взяться за решение задачи, поставленной Вреде, очень смелое и решительное выступление сделал Вендлинг, который обнародовал в 1908 г. книгу: «Die Entstehung des Markus-Evangeliums». Он вскрыл во 2-м евангелии три слоя...»

«С 1903 г. к изучению евангелий обратился человек, который стяжал всемирную известность своими работами по Ветхому Завету – проф. Wellhausen. В 1903 г. он выпустил том, посвященный евангелию Марка, в 1904 г. два тома для Луки и Матфея, в 1905 г. «Einleitung in die drei ersten Evangelien» (2 изд. 1911 г.). Все эти книги представляют высокий интерес...»

«Вывод из сказанного тот, что ни одно из наших греческих евангелий не может быть названо первой обработкой евангельской истории. Первое место между ними во времени занимает евангелие Марка. План его воспроизводится у Матфея и Луки. Подбор материала определяется у Марка потребностями миссионерской пропаганды. Добивались иметь не историю, а сборник повествований, способных вызвать и поддержать веру. Выбор рассказов начался ранее Марка. Личная работа автора второго Евангелия состояла в том, чтобы привести в порядок материал, данный преданием, снабдить его введением и необходимым комментарием. Велльгаузен отказывается видеть у Марка запись воспоминаний лица, близкого Иисусу (предполагается Петра). Напротив, весь материал дан народными рассказами... Намечая разные слои традиции в евангелии Марка, Велльгаузен не решается указывать, что принадлежит каждому слою – знак, что задача эта деликатна и требует осмотрительности. Матфей и Лука пользовались евангелием Марка в теперешнем его виде. Но в то же время они знали и арамейский подлинник, что объясняет некоторые варианты. Те места, которые есть у Матфея и у Луки, но которых нет у Марка, заставляют предположить существование источника, которому Велльгаузен дает название Q (Quelle)...»

«Марку принадлежит приоритет не только в отношении повествовательного материала, но и в отношении речей. Он есть древнейший евангелист – писатель. Это объясняет, почему церковь удержала эту книгу. Содержание его евангелия, тон его повествования не удовлетворяли иеросознания. Но этот недочет возмещался древностью книги».

Э.Ренан в своей книге «Евангелие и второе поколение христианства» объясняет встречающиеся повторения в Евангелиях таким образом: «Прежде, чем было составлено первое Евангелие, существовали сборники речей и притч, где изречения Иисуса были распределены в том или другом порядке по чисто внешним причинам. Автор первого Евангелия, найдя эти сборники уже готовыми, вно-

сил их в текст Марка, не разрывая тонкой нити, их связывающей. Иногда текст Марка, несмотря на свою краткость в том, что касалось речи, содержал некоторые части тех проповедей, которые новый составитель взял целиком в сборнике логий. В результате – повторения». Стр. 114⁵).

«Во всяком случае, – говорит далее Ренан – получилось Евангелие (Матфея) несравненно более совершенное, чем Евангелие Марка, но гораздо меньшего исторического значения. В действительности Марк остается единственным подлинным документом жизни Иисуса. Рассказы, прибавленные псевдо-Матфеем к Марку, не более, как легенда. Изменения, внесенные в рассказы Марка, только способны скрыть некоторые неудобства. Внесение частей, которые автор почерпает вне Марка, произведено грубо, плохо переварено, если можно так выразиться; вставки целиком могут быть узнаны. В этом отношении Лука вносит очень большие усовершенствования. Ценность Евангелия Матфея придают речи Иисуса, сохраненные с удивительной точностью и, вероятно, в том порядке, в каком они были записаны...»

«Это гораздо важнее точности биографии. Евангелие Матфея, правильно оцененное, самая важная книга христианства, книга, имеющая наибольшее значение из всех когда-нибудь написанных. И не без причины, при классификации новой Библии, ей отвели первое место». Ренан, стр. 132.

«Апостол (Матфей) умер задолго перед тем, как Евангелие было составлено и, кроме того, само произведение не допускает, чтобы автором его был апостол». При этом в примечании Ренан приводит указание глав разных св. Писаний, в которых резко бросаются противоречия, чего не могло бы быть, если бы автором первого евангелия был бы сам апостол. Смотрите Матфея (9 – 9): «Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея и говорит ему : «следуй за Мною». И он встал и последовал за Ним». А у Марка сказано так (2 – 14): «Проходя, увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, встав, последовал за Ним». У Луки (5 – 27), как у Марка: «После сего Иисус вышел и увидел мытаря, именем Левия, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, ос-

⁵ В примечании Ренан приводит такие повторения: М-К, I – 21,22; Мат. V – 2, VII – 28; М-к X – 31, 32 и Мат. XIX – 30, XX – 17; М-к. XI – 23 и XII – I и Мат. XXI – 21, 28, 33 и Лука XX – 2 и 99; помимо этих мест, Ренан приводит целый ряд странностей и противоречий в Евангелиях. Ими пестрит вся книга.

тавив все, последовал за Ним». Такую же несогласованность мы замечаем и в другом месте: смотрите Матфея 10 – 3, где упоминается Матфей, и Левий Алфеев у Марка (3 – 18), Луки (6 – 15) и Деяниях Апостолов (1 – 13).

«... Может быть, еврейское евангелие, при помощи которого автор пополнил Евангелие Марка, носило имя Матфея; может быть, сборник *logia* носил его имя. Так как новое Евангелие получило свой особый характер от вставленных *logia*, которые, может быть, в доказательство их правдивости, носили имя апостола, и составители решили сохранить то же имя для обозначения автора Евангелия, приобретшего свое значение, благодаря этим дополнениям». Ренан, стр 134.

Далее на своих страницах (161) Ренан говорит: «Лука, конечно, избегал всего, что могло обидеть (враждебно к ним настроенную)⁶ иудео-христианскую партию и вызвать споры, которые он хотел успокоить; он почтителен, насколько возможно, к апостолам (напр. место, в котором выражается честолюбие сыновей Заведеевых, отброшено), хотя и опасается, чтобы им не отвели слишком исключительного положения. В этом отношении политический расчет внушает ему весьма смелую идею. Рядом с «двенадцатью», он создает своим собственным авторитетом еще семьдесят учеников, которым Иисус дает те полномочия, которые в других Евангелиях предоставляются только одним двенадцати (Лука X – 1 до 24). Это расширение числа учеников до 70 сделано в подражании кн. Чисел (XI – 17, 25) для того, чтобы включить в это число и своего Учителя Павла... Не случайно автор не помещает знаменитого изречения: «Ты Петр и на сем камне Я создам Церковь Мою...» Притча о плевелах, придуманная против Павла, этого досадного сеятеля, идущего вслед за уполномоченными сеятелями, превращающего их чистую жатву в смешанную, тоже изменена». (Стр. 163).

«У Марка (IV – 26) в этой притче отсутствует сеятель. У Матфея (XIII – 28 и VII – 23) эти места взяты, как говорит Ренан, из Евангелия еврейского, которые недолюбливали Павла. На стр. 79 у Ренана сказано: «... выражение «враг человек» служило обыкновенно у эвионитов для обозначения Павла», с указанной ссылкой на «Saint-Paul» стр. 305. У Луки этот § 13 – 26, 27 «очень ловко перевернут и направлен против иудео-христиан».

И опять я хочу не подчеркнуть, ибо это было бы слишком слабо, а утвердить сильнее и громче о своем желании НЕ ИСКАТЬ

⁶ В скобках пояснение автора этой книги.

противоречий, неточностей, расхождений и всяческое умаление великих тружеников и сеятелей Слова Божия, а понять причину всех несоответствий, кроющуюся в некоторых местах их проповеднической деятельности и, поняв, отвести эту причину, чтобы она не мешала для дальнейшего продвижения истины, данной через этих святителей, и тогда уже не будет больше смущения ни в сознании, ни в сердцах наших.

Мы все люди, все несовершенны и необъективны; пристрастны к близкому и родному и строги ко всему чужому. Только умом понимаем единство духа, а в сердце своем его не чувствуем еще. Все смущающие нас места в писаниях не скрывать должны от себя и других, а выставлять на вид и установить маяк около этих подводных рифов, чтобы избежать крушения плывущих за нами кораблей. Истина не боится света ни с какой стороны, и она от этого лишь только выиграет.

Все великое Учение, которое писалось неизвестно кем, когда и где, выражено словами, а слово, как известно, можно сказать со всяческим оттенком и интонацией; и одно и то же слово даст разный смысл. В нем не пропадет ни темперамент, ни народность, с присущими ей взглядами, обычаями, суевериями и со всеми достоинствами и недостатками людей. Все наши эмоции, настроения и чаяния находят место в слове! Как ни странно, но и при Боговдохновенности может прославиться наше несовершенство. Не будем же строги к форме, постигнем и применим лишь дух Учения. Этим избежим разъединения и великих ошибок.

Стр. 144 книги Андреева. В 1906 – 1908 г. вышли три трактата проф. Гарнака, которые вместе составили одно исследование: «Zu den Schriften des Lucas – Beitrage zur Einleitung in das Neue Testament».

«Изучая источники евангелия Луки, Гарнак, как и Wellhausen, приходит к заключению, что Лука комбинирует Марка и Q. Кроме того, он находит у Луки еще следы пользования третьим источником, который он называет P. Совершенно также и евангелие Матфея есть соединение Марка и Q с некоторыми другими источниками. Гарнак выписывает и приводит в порядок целиком весь Q на основании евангелий Матфея и Луки и подвергает его самому тщательному изучению.

Оказывается, что Лука изменяет в этом источнике чаще и больше, чем Матфей, но эти поправки затрагивают только форму,

стиль и ничего больше. Матфей в общем дает текст источника, но зато немногочисленные корректуры его затрагивают и содержание. Установив объем источника, Гарнак пытается доказать его единство путем изысканий о его стиле, словаре и языке».

«Изучение содержания Q приводит к важным выводам. Деятельность Иисуса, которую имеет в виду этот источник, сосредоточивалась главным образом в окрестностях Капернаума. Иоанн Креститель занимает в Q известное место. Напротив, ученики не играют тут никакой роли. Содержание Q в целом заметно отличается от содержания евангелий. Марк хочет представить Христа Сыном Божиим, Матфей дает книгу для начальной общины в Палестине, апологию анти-иудейскую. Лука изображает Его, как Спасителя. Словом, в то время, как евангелия преследуют цели апологические и догматические, Q имеет характер дидактический. Автор этого источника ставит своею целью охарактеризовать проповедь Иисуса. Он не говорит о страдании; идеи о искупительном значении смерти Иисуса здесь нет и следа; элемент messiанинский в нем едва заметен».

«Q, бывший сначала арамейским сборником изречений Христа, появился в век апостольский и раньше евангелия Марка. Влияния “Павлинизма”, которое так сильно у Марка, здесь не чувствуется совсем; и потому основная мысль Марка, что Иисус, его смерть и воскресение составляет собственно содержание евангелия, в Q отсутствует. Q составлено в Палестине: иудейско-палестинский кругозор его ясен; Марк, напротив, написал свое евангелие в Риме. Литературное родство между Марком и Q не доказано. Однако они явились по времени близко друг к другу. Если бы Q поступил в обращение много раньше Марка, было бы совершенно непонятно, как последний не знал его и не пользовался им, хотя и писал вдали от Палестины».

«Можно ли думать, что Q написан апостолом? На этот вопрос Гарнак отказывается дать решительный ответ. Но кто бы ни был автор – редактор Q, он заслуживает величайшего уважения. Ему мы обязаны драгоценным сборником изречений Иисуса».

«Итак, на двух близких по времени, но независимых друг от друга источниках основывается – по крайней мере в главном – наше знакомство с учением и историей Иисуса. Где они совпадают, там мы имеем прочное ручательство за истину; а совпадают они во многом и существенном. Оба их соединенные свидетельства будут всегда разбивать разрушительные критические опыты».

«Но как в то же время различны изучаемые источники! С одной стороны этот Марк, который страница за страницей противоречиями, несогласованностью, неправдоподобностью приводит исследователя в недоумие и в то же время, однако, дает отчасти конкретный образ Иисуса, а с другой собрание изречений, которое одно сохранило для нас ясное и глубокое изложение проповеди Иисуса, чуждое апологетических тенденций, но не дающее истории».

«У Марка – неспособность различать между главным и второстепенным, между достоверным и спорным, неразборчивая апологетика, которая все притягивает на службу себе, но в то же время любовь к личному, живому. Q весь обращен к главному, и это искупает недостаток в нем “истории”...»

«Нельзя затем не отметить превосходной французской работы по нашему вопросу, вышедшей в 1907 – 1908 г.г. из под пера А. Loisy. (Упомянутый выше).

«Les evangiles synoptiques», занимает два тома по 1000 стр. каждый. Луази, как и другие исследователи, считает Марка самым древним из синоптиков. По своему составу евангелие Марка не есть работа первичная, а компиляция в том же роде, как евангелия Матфея и Луки; а по своему характеру оно есть скорее произведение веры, чем исторический документ... Разумеется, недостаток порядка в произведении таких малых литературных достоинств, как евангелие Марка, не может еще говорить о многих редакциях. Но разногласия между отрывками, отражающими различные идеи, повторения и пр., у Марка принимает такие размеры, что на основании их можно допустить сложную редакционную работу. Вот некоторые следы повторной редакционной переделки. Утверждение Иоанна, имеющее в евангелии Марка такую форму: «Он вас будет крестить Духом Святым», – у Матфея и Луки передано иначе: «Он вас будет крестить Духом Святым и огнем». Это заставляет думать, что в источнике, которым пользовался Марк, стояло просто: «Он вас будет крестить огнем». Такое предположение подтверждается связью последующей речи, как она дана у Луки и Матфея. Сказав о крещении огнем, Иоанн продолжает: «лопата Его в руке Его, и он очистит гумно свое, и соберет пшеницу свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым». Марк в целях приспособления текста к крещению христианскому заменил огонь Духом, а Лука с Матфеем взяли и показание источника и его перетолкование у Марка».

«Различая у Марка первоисточник и его вторичную обработку, следует заметить, что именно на этом редакционном элементе можно наблюдать тенденцию, цель книги и даже личность автора. Отсюда источник гораздо важнее для истории Иисуса, чем его обработка...»

«Ясно, что такая сложная работа, как евангелие Марка, не может во всех своих частях притязать на одинаковый авторитет в качестве источника истории Иисуса. В общем, это не столько биография, сколько доказательство того, что Иисус есть Мессия. В сущности и все раннейшие источники, и даже воспоминания апостолов неизбежно принимали этот характер. То, что апостолы удерживали в памяти, что они проповедывали об Иисусе, совершенно естественно стягивалось вокруг мысли о Нем как Мессии, подбиралось в целях назидания верующих... Долг историка – выделить, насколько возможно, хотя задача эта вполне никогда не может быть решена, то, что в письменной евангельской традиции представляет непосредственно действие Спасителя на очевидцев Его, и то, что представляет работу веровавших в Него по слову других верующих.

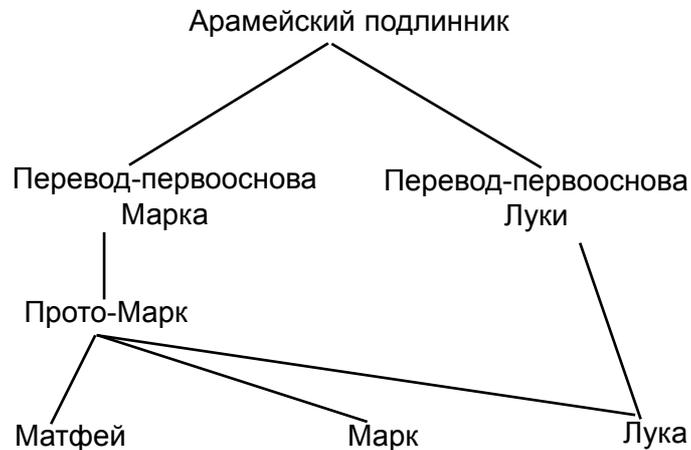
В двух громадных томах аббат Луази дает множество примеров выделения начальной традиции евангельской...»

Стр. 151. «Проф. Fr. Spitta в обширном исследовании 1912 г. «Die synoptische Grundschrift in ihrer Überlieferung durch das Lukas-Evangelium» продолжает линии изыскания Вейса. Свои наблюдения он производил на протяжении десяти лет. В основе синоптической традиции лежит очень ранняя запись, которая почти целиком сохранилась в евангелии Луки... Но именно это обстоятельство – пополнение древней записи, данной у Луки, заимствованиями из Марка I, свидетельствует, что этот перво-Марк разнится от древней записи Луки и предполагает позади себя еще один древнейший источник ... Такие выводы были бы шаткой гипотезой, если бы Лука подвергал свои источники такой же обработке, какой подвергают их Марк и Матфей. Но этого нет. Произведение Луки имеет громадную ценность, но только потому, что оно оставило почти без изменения древнейшие заимствования. Автор жертвует единством и связанностью повествования неприкосновенности своих источников. Отсюда выделение древних известий в его евангелии дело сравнительно не трудное, во всяком случае осуществимое».

«Воззрения на Христа в этом древнейшем подслое 3-го евангелия очень своеобразны. Здесь нет речи и о рождении от Девы, хотя

последующий редактор держится взгляда прямо противоположного. Отсюда две несродные концепции в нашем 3-м евангелии уживаются рядом. На последней вечери нет речи о евхаристической трапезе и о значении Его смерти для спасения...»

«В заключении Шпитта ставит вопрос об отношении первоисточника Луки к первоисточнику Марка и приходит к заключению на основании языка, что эти древнейшие записи являются двумя переводами начального арамейского оригинала. Схема получает такой вид:

«В древней и средневековой церкви трудная проблема решалась просто: тексты брались так, как они есть; если наткнулись на противоречия, то их старались устранить путем искусственного экзегесиса и произвольных соображений. Августин, напр., принимал, что евангелия появились в том порядке, в каком они размещены теперь. Отсюда по нему оказывалось, что Марк сокращал Матфея; различия в параллельных повествованиях приписывались индивидуальным особенностям авторов и ни в каком случае не казались противоречиями...»

Приведя изложенные выводы ученых-мыслителей, взятые мною из «Пособия к истории Церкви» И.Андреева, я думаю, что теперь будет легче разобраться во многих вопросах, коих часто люди не решались даже коснуться. Внедренные в нас взгляды с самого детства, что всякое священное писание, написанное евангелистами

и святителями по вдохновению Божьему, есть Истина, мешали нам совершенно свободно без суеверия подойти к ним и разобраться, где есть эта Истина, а где наслоения человеческого непонимания и предвзятость их собственного мнения.

Выше мною были приведены мысли больших труженников науки; пусть они ошибаются в тех или иных частях своей работы, но все же в общем они попали на верный след исторической истины, ибо только она одна должна быть ценна для всех нас, ищущих свет и правду.

Для великого Пути эволюции прежде всего нужно знать Истину, ибо только ею движемся вперед, только ею развиваем все свои способности, ею насыщаемся в виде знаний и ею восходим на высшие ступени нашего великого, долгого и трудного пути. Поэтому не будем ставить себе преград на пути достижения высших, более совершенных качеств, к коим принадлежит и наше знание. «Ищите и обрящите, стучите и отверзится, просите и дано будет» – говорил Христос. Всякая живая душа, т.е. способная к жизни, проявляет свою жизнь в поисках Истины, в расширении своего сознания и в проявлении всех духовных высших качеств и возможностей, и только уснувший и мертвый дух доволен своим окоченевшим бытием и прозябанием. Ведь и, по словам Христа, «Царство небесное силою берется», а не самодовольным успокоением и возлаганием на «таинство искупления». И недаром нам дан природою разум, способность к мышлению и сердечная чуткость для распознавания. И на ложный путь приводят нас не могущие произойти ошибки, а сознательное уклонение от пути по причине себялюбивых, эгоистичных и чувственных устремлений, идущих наперекор нашим сердечным указаниям.

Окаменение религии времен Христа, вылившееся в целый ряд обычаев, преданий, готовых догматических формул и правил, умертвило живой дух Учения, и поэтому Христос вынужден был выступить против всех бывших в обиходе поучений книжников и фарисеев. Люди всегда и во всем имеют свойство устанавливать определенные формы и сковывать надуманными правилами всякую жизнь свою и других. Но, если это до некоторой степени возможно в отношении физического окружения человека – нормы налоговые, правила учения, езды, санитарные и т. д., – то совершенно недопустимо такое приложение формы к свободному проявлению духа человека и, в особенности, в наших отношениях к Богу. Здесь

только сердце наше может в каждом отдельном случае указать нам истинный путь. Такому верхнему или высшему пути человеческой жизни всегда воспротивится и восстанет его низшая животная сторона, если она не побеждена еще долгой тренировкой и не подчинена велениям духа и сердца. Не легка эта победа, но все же она должна быть одержана, ибо в духовный Мир нет иного пути. Как дух наш молчал и подчинялся телу много миллионов лет во время первой половины эволюционного пути в минеральном, растительном и животном состояниях, так и тело должно теперь умолкнуть и уступить главенство своему духу в остальной части своего пути, пути восхождения. Но если силен еще противящийся голос нашего тела, то при таких условиях не раскроются врата великого Мира духовного.

Не мало есть всяческих преград для освобождения и господства нашего духа, есть множество пут и грубых и тонких, держащих нашу сущность среди условностей мира физического. Животные страсти есть грубые пути, а суеверие и все виды невежества – более тонкие и также держащие, если даже не еще крепче, всех нас в своем плену. Ведь грубые недостатки ясны и видны нам самим, а тонкие должны быть еще сильнее и больше нас связывают, ибо их мы часто не замечаем. Но все они должны быть разорваны, и только тогда освободится наш дух – сын великого Космоса.

Остановимся на слове Христос и рассмотрим откуда оно взялось? Ведь Тот, кого мы обычно называем так, звался Иегошуа и никогда при своей жизни не имел название Христа. Вот что по этому поводу пишет Е. П. Блаватская в своей книге «Евангельский эзотеризм», Стр. 11:

«Слово «Хрестос» существовало уже давно, задолго до того, как стало известно христианство. В пятом веке до Р.Х. упоминают его Геродот, Айсхилос и другие греческие писатели».

«Так, мы читаем у Айсхилоса про «оракулов, которые возвещали о пифийском боге... Хрестос был тот, кто объяснял, оракул, пророк, а хрестерионский был такой, который стоял на службе оракула, будь то бог или учитель».

«Иустин мученик, Тертуллиан, Лактаний, Клементий Александрийский и другие знали это написание. В «Христианских надписях» Бока, которых всего 1278 до третьего века мы находим только написание «Хрестос» или «Хрестойс». Отсюда нам кажется вполне вероятным, что первоначально слова Христос и христиане читались, как ХРЕСТОС и ХРЕСТИАНЕ, ведя свое начало от терминологии

языческих храмов, и имели то же значение. Бог иудеев был на месте старых оракулов и других богов; общее наименование Хрестос перешло теперь на одну определенную личность, и новые названия, как то: «христианой» и «хрестодаулось», приверженец или слуга Хреста, – получили происхождение из старого материала.

«В эзотерической фразеологии храмовых мистерий слово ХРЕСТОС, произведенное от глагола «Chraomai» (спрашивать совета у какого-нибудь бога), означает то, что мы называем адепт, следовательно, высший чела или высокий ученик. В этом смысле мы это находим у Эврипида (Ион. 1320). Слово прилагалось к каждому ученику, который был признан учителем, как и ко всякому хорошему человеку вообще».

«Христианские богословы производят слово Христос от «Chrio» (миропомазать). Слово Хрестос означает “священник” или “пророк”, подходит к Иисусу больше, чем «помазанный», потому что Иисус, как говорит Норк, ссылающийся на Евангелие, не был помазан ни как король, ни как священник».

«Как гностик и теософ, Клементий должен был знать, что «Хрестос» был путь, тогда как «Хрестос» обозначал одинокого путника, который идет по этому пути к далекой цели, указуемой ему Христом, преображенным духом истины, по достижении которой душа (сын) соединится с духом (отцом)».

«О том, что Павел знал эту тайну, об этом говорят его собственные слова, ибо что иное значат его слова (IV к Гал. 19 и 20): «... я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» – иначе, говоря эзотерически: пока вы найдете Христа в себе, как свою единственную дорогу... Так говорит Павел также к Ефессянам (III – 17): «Чтобы нашли Христа внутри себя путем знания, или дословно, как сказано в писании: «Верую вселиться Христу в сердца ваши»; (не верую, как это обычно переводится. Потому что греческое слово «pistis» означает «знание»).

“Тертуллиан объясняет во II части своей Апологии, что слово «Христианство» украдено умелой интерпретацией. Но еще более важное доказательство в том, что слово Христос дохристианского происхождения. Вероятность этого находим в известных предсказаниях эритрейской сибиллы: «Jesous Creistos theou yios soter stauros» – слова, которые точно переводятся как: Иисус Христос, Бог, Сын, Спаситель, Крест». Если читать их эзотерически, эти слова, хотя они и не связаны друг с другом ничем и не имеют для профа-

на никакого значения, получают смысл настоящего предсказания, только оно не имеет прямого отношения к Иисусу, так как эта строфа из мистического катехизиса посвященных. Предсказание относится к приходу Духа истины (Христа) на землю – это событие, после которого наступит золотое время. Но это событие, говорим еще раз, не имеет ничего общего с Иисусом. Эти слова учат, что необходимо пройти через распятие плоти или материи, пока не достигнем блаженного состояния внутренней (или субъективной) теофании».

«Если читать их экзотерически (т.е. внешний смысл принимать), эти слова представляют собою прекрасную основу, чтобы связывать с ними христианские пророчества. Только не надо забывать одного: эти слова языческие, не христианские».

«Если бы нам предложили их разъяснить, то мы ответили бы: «Изучайте мифологию, так называемые «измышления» древних, и она даст вам ключ...» Мифология учит нас, что Янус, сын Аполлона, «посвященный» в мистерии, «открывает двери света» или тайной мудрости мистерий... – так что ему, как и его брату, Асклепию, божественному врачу, придается имя «Спаситель» («Soter») и что Язо, дочь Асклепия, богиня лечения, которая покровительствует всем, кто добивается посвящения в храме ее отца, т.е. новичкам, или «Crestoi», которые и назывались – “сыны Язо”...»

«Почему не читать сибиллические книги в их истинном смысле – смысле, который не имеет ничего общего с христианскими пророчествами? Тайная наука говорит, что два первых слова *Jesous Chreistos* означают только «сын Язо, Хрестос», т.е. жрец бога оракула. В действительности на ионическом наречии Язо назывался Иезо, сибилла говорила только на этом языке, потому что Эритрея – город ионический. «*Jesous*» – родительный падеж, означает: сын Иезо».

«Не обращая внимания на мистическое значение предсказания сибиллы, буквальное значение его будет таково: «Сын Язо, Хрестос (жрец или слуга), сын бога (Аполлона), спаситель от креста (материи)». Действительно, христианство этого никогда не поймет, пока не исчезнет всякий след догматики, а мертвая буква не будет принесена в жертву Духу истины, который открыл себя так же в Горе, Кришне, Будде, как в гностическом Христе и настоящем Христе Павла...».

«Поэтому мы имеем большое основание придти к утверждению, что Иисус или Иегошуа, равно как Сократ, Фокион и все ос-

тальные, носившие прозвание Хреста, т.е. «хороший, благородный», был высший святой, посвященный, который показывал «путь» к сознанию Христа, и который сам становился «путем» в сердцах своих увлеченных поклонников. Христиане попробовали, как и все «поклонники героев», отодвинуть на второй план всех прочих «христиан», потому что они казались им соперниками их Богочеловека...»

Иисус Христос не дал нам ни одного обряда, ни одного ритуала, и только люди после Его ухода заглушили живой, свободный дух Учения мертвыми ритуалами и надуманными догмами. В противовес только что выраженной мысли обычно указывают на евангелиста Матфея (26 – 26), где приводятся слова Христа: «приимите, ядите: сие есть Тело Мое...» и затем: «пейте из нее все; ибо сия есть Кровь Моя нового завета за многих изливаемая во оставление грехов».

У Марка же сказано иначе (14 – 22): «приимите, ядите: сие есть Тело Мое...» и далее: «сия есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая». У Луки то же, но вывод другой (22 – 17): «приимите ее и разделите между собою; ибо сказано вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царство Божие. И взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание... сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается». У Иоанна же сказано в гл. 6 – 32: «Истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с небес (манну в пустыне), а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес, и дает жизнь миру». На это сказали Ему: «Господи! подавай нам всегда такой хлеб». Иисус сказал им: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать и верующий в Меня не будет жаждать никогда», «... если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне и Я в нем» (Иоанна 6 – 53, 56). Очевидно традиция «творить в Мое воспоминание» была в начале христианской эры развита не повсеместно, а лишь в местности, где проповедовал Лука и, таким образом, это указание вошло в писание и впоследствии стало узаконенным от имени Христа, ибо я не допускаю, чтобы такое прямое приказание могло быть забыто и пропущено в других Евангелиях. Вероятно, слова «сие творите в Мое воспоминание» относятся в общей дружной вечери, полной единения, любви и братских

чувств, ибо подобным призывом к единению насыщено все Учение Спасителя. При этом следует вспомнить и другие слова Иисуса, подтверждающие эту мысль: «... где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди них». Так появился этот первый обряд, из которого впоследствии выброшенным оказывается самая основа и суть этой вечери с устремлением Великого Учителя, а именно, к ЕДИНЕНИЮ.

Но, может быть, и евангелист Матфей в переданных им словах не мыслил о страдании и смерти Христа, как об акте автоматического искупления грехов всех верующих в Него людей. В переданных евангелистом словах Христа кроется лишь указание, что тело будет предано и кровь Его пролита вследствие грехов мира, как и каждая кровь проливается из-за греха человека. «Кровь вопиет к небу», – говорится в Библии, и, быть может, свойство ее побуждает всегда рано или поздно к раскаянию и исправлению недостатков людей, проливших ее. Стыд, ужас и мучения совести, т. е. нашего внутреннего и божественного «Я», ведут к исправлению, очищению нашего низшего и человеческого «я». Все подобные неувязки часто происходят оттого, что все изучаемое нами теперь в Учении Иисуса есть только первоначальный, поверхностный подход, подготовляющий к действительному Учению Христа, которое было всегда сокровенным. Целый ряд наших первых Отцов Церкви в своих писаниях определенно указывали, что все Учение, дающееся народу, есть только «молоко», ибо все вы еще «дети», и «твердая пища» будет дана, когда мы вырастем духовно и расширим свое сознание. К тому же в словах «...Кровь Моя Нового Завета» ясно чувствуется символизм, а не буквальное понимание этих слов.

Христос всегда называл Себя и свое Учение водою живою, источником, ключом, кровью, телом, хлебом, вином и лозою виноградною. И если Он говорил: «пейте от нее все» и «приходящий ко мне не будет алкать и верующий в Меня не будет жаждать никогда» и т. д., – то все это сказано не в буквальном понимании, а иносказательно. Те люди, коим нужно «таинство евхаристии» или «пресуществление даров», считают, что Слово, Истина и Премудрость (в понимании Оригена, смотр. гл. об Оригене) недостаточны и их нужно усилить хлебом и вином материальным. Так ли это? Слово создало миры; Премудрость может возростить человека до предела Богочеловека; неужели всего этого мало и нужно еще вино и хлеб материальный для усиления пищи духовной? Именно, только для малого

сознания нужна еще пока эта материальная видимость, как «пища молочная» для малых детей, по выражению ап. Павла.

Может ли таинство Евхаристии, совершенное не в должном состоянии и воспринятое опять-таки не с должным чувством, иметь какое-либо значение? Не потому ли Христос мог только упомянуть, чтобы творили этот обычай, или обряд, собираясь вместе в Его лишь воспоминание и как повторение: «где двое или трое соберутся во имя Мое...», – не придавая ему большего значения? И не потому ли относительно указания исполнять преломление хлеба и благословение вина упоминается в одном лишь евангелии от Луки? Если бы, действительно, совершение этого таинства имело бы такое важное значение, какое ему придают сейчас, то неужели остальные евангелисты могли его пропустить и не потребовать от нас его исполнения?

Воистину, все таинства и обряды могут иметь значение лишь от степени ДУХОВНОГО отношения к ним человека, совершающего их, и людей, присутствующих при них! Воистину, всякий акт, всякое действие и всякая молитва будут иметь желательное и должное влияние, если они творятся В ДУХЕ, как говорил обычно Христос, а без этого главного качества все манипуляции, действия и слова не имеют никакого значения; скажу даже больше – они могут быть и будут кощунственными.

Совершение таинства Евхаристии есть ничто иное как нагнетение даров великой Божественной психической энергии. Ведь и каждое благословение есть передача той же энергии; но в совершении таинства этот акт передачи выражается в особо увеличенной степени, именно как нагнетение. Вероятно, в древности ритмическое поднятие и опускание опахала, или как теперь плата, называемого «воздухом», и было актом нагнетения. Почему многие монахи видели нисходящее пламя в чашу даров у совершавших таинство великих подвижников, как Сергия Радонежского и у других. Все это не следствие ли насыщения даров великой божественной и огненной психической энергией? Восток хорошо это знает, а Запад в устремлении к материальным благам забыл о благе духовном. Но эта энергия излучается от совершающего это таинство, а для этого необходимо прежде всего сознательное отношение к тому, а, самое главное, нужно, чтобы было накопление этой великой мощи в передающем ее своей чистой и безупречной жизнью, иначе ведь нечего будет и передавать. Эта благодать, как психическая энергия в

больших размерах, может быть посылаема и дарована лишь Свыше. Но и при этом получении необходима великая гармония духа, совершающего служение со светлыми Силами Мира Огненного.

«Энергия может применяться решительно во всех случаях. Она может показать степень намагничивания предметов и воды. Она, как самый чуткий аппарат, может мгновенно улавливать колебания токов на дальнем расстоянии. Она может следить за мыслями каждой строки рукописи. Она есть показатель качества излучения. Она в руках добрых есть орудие добра. Конечно, многие, по счастью, не знают подступа к мощи. Только при улучшении сознания можно ДОВЕРИТЬ психическую энергию для широкого пользования. Пусть это доброе время наступит скорее». «...Проявления энергии зависят от множества условий. Но главным будет чистота мысли». (Аум, §§ 375 и 376). «Когда же придет Утешитель, которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне», (Иоанн, 15 – 26). «И пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше». (Лука, 24 – 49).

Многими великими силами обладали в древности, с полным пониманием их, почерпнутыми от великих Иерофантов и Учителей Египта, Греции, Халдеи и Индии, но забыты они, поруганы и осмеяны как «язычество». Остались лишь манипуляции с «воздухом» во время Литургии, как бы для «отгоняния мух», по объяснению одного священника. Так везде и всегда из нашей жизни изгоняют забытый акт духа и остается внешняя, видимая лишь форма.

Великой двигающей силой для тонких энергий является чистая благая мысль и огненное и пламенное устремление воли, а где господствует мысль о деньгах и мухах, там должного насыщения, конечно, не будет. Можно ли отрицать великое целение у святых икон, мощей и других предметов? Нет, но нужно современное понимание этих явлений. Ведь это ничто иное, как насыщенная психическая энергия, наложенная многими молящимися, да и личная у великих подвижников духа. Если вибрация духа болящего и нуждающегося в исцелении будут однородными с наслоившимися ее, то, естественно, может произойти разряд и переход энергии и совершится желаемое исцеление. И опять можно сказать: все это знает Восток, а Запад относится как к суеверию. Любит Запад отрицать все, что не знает сам. Много и многому мы – западники должны поучиться у «языческого» Востока, отрешившись от пренебрежитель-

ности к нему. И только тогда мудрость Востока с большей охотой раскроет тайники своего опыта и знания.

«На каждом рукоделии наслаиваются частицы человеческой сущности. Не только состояние здоровья творителя остается на вещах, но и духовное устремление навеки неразрывно остается на предмете. Можно обезвредить следствия ядов или следы заразы, но наслоения излучений не могут быть изъяты. Потому так важно, чтобы вещи создавались в добром желании. Для многих такое утверждение покажется сказкою, но нередко люди называют предметы добрыми или злыми совершенно так же, как и людей. Жизнь во всем – так Братство учит». «Братство», §560.

Выше я коснулся «твердой пищи»; соответствующие выдержки из писаний отцов церкви я приведу несколько ниже, а теперь я должен сделать маленькое отступление от темы, чтобы пояснить некоторые понятия, а после я вновь вернусь к ней.

Очень важно выяснить вопрос: почему было необходимо произвести такое разделение на «сокровенное» учение, или эзотерическое, и общее учение для всех, или экзотерическое? Такое разделение существовало всегда и во всех религиях и вызывалось суровой необходимостью, а не эгоистической скрытностью не давать другим то, что знаю сам. Уровень сознания людей никогда не был одним и тем же, но всегда существовала необходимость дать людям все необходимые сведения сообразно их сознанию и подготовить их тем к принятию высших знаний.

На одной из предыдущих страниц я вскользь коснулся огромного пути, пройденного человеческим духом, начиная от минерального царства, через царство растений и животный мир к состоянию человека; как о следе этого пути можем судить по развитию зародыша человека.

«Каббалистическая аксиома: «камень становится растением; растение – животным; животное – человеком; человек – Богом», – держится незыблемо на протяжении веков. Геккель в своем труде «Schöpfungs geschichte» приводит параллельный рисунок, представляющий два эмбриона – эмбрион шестинедельного щенка и эмбрион восьминедельного человека. Оба они, исключая небольшой разницы в строении головы, которая у человека шире и больше вокруг мозга, неотличимы». Взято из Тайной Доктрины, II том, стр. 323.

«Действительно, мы можем сказать, что каждое человеческое существо проходит через стадию рыбы (у зародыша человека в этой

стадии есть, например, жабры) и пресмыкающегося, прежде чем оно достигнет стадии млекопитающегося и, наконец, человека. Если мы будем рассматривать его в более ранней стадии, когда эмбрион уже прошел через форму пресмыкающегося, то мы увидим, что на продолжительное время линия развития остается такой же, как и у других млекопитающихся... Даже в восьминедельном возрасте эмбрион человека являет животное с хвостом, едва отличное от эмбриона щенка”.

Этот путь зовется эволюционным путем. Но он не заканчивается на человеческой стадии. Он идет через всю великую Беспредельность к Отцу. Христос Себя и нас назвал «Сынами Божьими». Это признают и все религии Мира в эзотерических частях своих Учений; например, в индусских «Ведах» есть фраза: «Ты есть То», – т. е. То суть Непознаваемая и Непроизносимая Сущность, которую индусы именуют местоимением с прописною буквою.

Этот великий путь совершаем мы не одиноко и не без великой помощи Высших Существ, опередивших нас на этом долгом пути, – наших Старших Братьев. В различные периоды нашего земного существования, когда является потребность к тому, Они вновь воплощаются в физическое тело человека, нарождаясь в какой-либо чистой и праведной семье, чтобы принести Миру СВОЮ ПОМОЩЬ и Учение, а своей чистой и праведной жизнью подать людям пример достойной жизни.

Отдельные люди всех народов являют собою различные ступени лестницы человеческого сознания. Поэтому ко всем им нельзя подойти с одинаковым Учением. Но, с другой стороны, нельзя и оставить кого-либо на произвол судьбы и ничего не дать для ускорения их эволюционного пути без помощи в завершении и достижении отдельных жизненных этапов. С глубокой философией не подойти к младенческому уму широких народных масс, а с другой стороны, с детски наивными указаниями не облегчишь запросы духа и разума философа и ученого. Вот почему существовали как Малые, так и Великие Мистерии Египта, Греции, Персии, Скифии и Халдеи. Были они и в христианстве в первые века, но стерлись и забыты.

Как Бог и Отец един для всех нас, так и великое дерево Истины питается от одного Источника, несмотря на отдельные ветви Учений, даваемых различным народам и в различные времена. Сок дерева – Истины, или сущности Учений, всегда должен быть один. Великое Единство разлито во всем Космосе, и это же единство свя-

зывает и каждое Учение. Отсюда затерянные звенья «цепи знания» всегда могут быть восстановлены, если мы обратимся к соответствующим местам других Учений. Великие древние мыслители и мудрецы часто получали завершение своих знаний не у себя на родине, а вне ее, как Моисей почерпнул их из ЕГИПТА, а Пифагор из Индии. Полностью же великие Сокровенные Знания сохранены на Востоке в Гималайской Общине Великого Белого Братства. Св. Климент Александрийский указывает на следующие подразделения в своем сочинении «S romata» (v. V. с. XI): «После очищения, – говорит он, – следуют Малые Мистерии, в которых даются некоторые основы правил и предварительного приготовления к тому, что должно последовать, а затем Великие Мистерии, после которых нет ничего невозможного во всей вселенной и остается лишь созерцать и понимать природу вещей».

Но человек всегда боялся широты мысли, необъятности знаний и беспредельности Вселенной и, страха ради, он вечно ограничивает себя то горою Гарнзимом и Иерусалимом, как местом поклонения, то единою книгой, к которой привык с детских лет своих, то узостью в мышлении, связанном своею верою и народностью и т.д.

Но что значит «поклоняться в духе» – Дух вездесущ и проявления Его беспредельны. Нельзя ограничивать Его ни местом, ни временем, ибо это было бы преступлением против Духа, неуважением к Его свойству и, в конце концов, святотатством. Можно ли сказать, что проявление духа – веру признаю, а такое же проявление – знание, отрицаю? Дух есть единый Дух независимо от места во Вселенной, и Истина все та же Истина для той же Вселенной. Правда, несовершенный дух может сбиться с Пути, но, для распознавания Истины мы хорошо вооружены и разумом, и сердцем. К тому же, не ошибка страшна, а упорство.

Мы – люди пользуемся уже многими силами Космоса для своих нужд, например: каждый химик, зная условия сродства элементов, использует их для своего производства, каждый физик и инженер возбуждается к проявлению космические силы электричества и магнетизма. Заботливая природа приготовила еще много иных сокровенных даров своим старшим детям – людям, прекрасных и ценных, но и опасных еще, а потому и охраняемых нашими Старшими Братьями до той поры, пока сердца наши не очистятся от звериных инстинктов. Во время посвящения неопиту открывались многие тайны власти и могущества над стихийными силами При-

роды, даваемыми в помощь эволюции человечества. Но эти откровения и поучения никогда и нигде не записывались. Передавались они из уст в уста из-за опасения, чтобы не повторилась история Атлантиды, когда целый материк должен был быть погружен в воду, благодаря чудовищным насилиям и произволу лиц, в руках коих оказалась власть над силами Природы. Только благодаря этому все неопиты, готовящиеся к Посвящению, подвергаются тяжелому и долгому испытанию и закалению своих нравственных качеств в горячей жертвенности всеми радостями своей жизни ради Общего Блага и эволюции человечества.

Теперь вернемся к теме Евангелия о теле и крови Христовой. Итак, для малосознательной массы народа Христос всегда давал лишь символы и притчи, но ближайшим своим ученикам в Тайном Учении изъяснял сущность сокровенных своих слов. Такие же пояснения, вероятно, были и в отношении «тела и крови» Его. Если мы живем только лишь физической жизнью, то, естественно, самое существенное для нас – тело наше и кровь. Но, с переходом к жизни духовной, самым важным для нас будет наш дух и великий Мир духовный. В своих словах Христос и призывал нас к питанию духовной пищей, а тело и кровь Его были лишь символами. «...поверь Мне, что наступит время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете чему кланяетесь; ... но наступит время, и наступило уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе: Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». (Иоанн 4 – 21 до 24)

Сколько отшельников всех наций и верований, ютившихся в лесах, пустынях и пещерах одиноко целыми годами, вдали от всяких храмов и приходов, достигало великих явлений и высот общения с Господом! Так что, можно ли обуславливать истинность поклонения сообразно какой-либо догме и обычаю какого-либо храма? Как без тела и хлеба нет жизни физической, так без духа нет и жизни духовной, а об этой жизни Христос заботился прежде всего, об этом «хлебе с небес». Если вспомнить Его слова: «Отец и сын – едино», – то под этими словами Он разумел единый наш дух и Тот же дух имел Он ввиду и в следующем выражении: «Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру» (Иоанн 6 – 33). Не тело физическое сходит с небес, а дух, сойдя с небес, одухотворяет собою всю материю. Как кровь, протекая по всему телу

человека, несет с собою живительное тепло во все его члены, так и горячее устремление его духа переносит его в Мир духовный к Отцу, дает то чувство единения и силы, которое и поддерживает человека на всем его трудном эволюционном пути. Это устремление и постоянная мысль к высшему – к Миру Огненному, – и создаст, в конце концов, ту жизнь вечную, то сознание наше, которое не прервется при переходе от жизни физической к жизни духовной после смерти нашего физического тела. Обычно, в конце наших жизненных этапов, всегда происходит перерыв этого сознания. Как мы не помним мир тонкий, или духовный, при рождении в физический мир, благодаря нарушенной связи сознания, так мы теряем эту связь сознания и при вступлении из физического мира в мир духовный. Именно, сознание нашего Отчего Дома и горячее устремление к нему, вечному пристанищу нашему, мысли о высшем Мире, об Отце, – все это разовьет у нас тот мост сознания, который собственно и даст «жизнь вечную».

Эта мысль, или такое представление, разлита во всех сокровенных Учениях Египта, Халдеи, Вавилона и Индии. Страдание и физическая смерть Озириса в Египте, Таммуза в Вавилоне и Христа в Иудее, была поправлена воскресением к духовной жизни благодаря их совершенству, горячей устремленности и в великой Любви. Злоба и гнев нас убивает, а любовь воскрешает. Истина едина, она разлита всюду и везде. Только отвратительное чувство разъединения и обособления мешает нам к слиянию всех, а вместе с ним и к достижению радости и счастья. «Сколько человечеству нужно перестрадать, прежде чем оно догадается о пользе единения. Самые разрушительные силы направлены, чтобы омрачить зачатки единения. Каждый соединитель подвергается лично опасности. Каждый миротворец похуляется. Каждый работник высмеивается. Каждый строитель называется безумцем. Так служители разложения пытаются стереть с лица Земли знамя Просвещения. Труд невозможен среди вражды. Строение немыслимо среди взрывов ненависти. Сожительство борется с человеконенавистничеством. Удержим в памяти эти старые Заветы». (Община 273).

У ап. Павла в послании к Римлянам (8 – 13) сказано: «Ибо, если живет по плоти, то умрет, а если духом умерщвляет дела плотские, то жив будет. Ибо все, ведомые Духом Божиим, суть сыны Божии...»

В старину знали и понимали эти места учений. И только лишь на основании их становятся понятными слова молитвы во время

погребения: «Вечная память», – т.е. выражается просьба о сохранении памяти усопшего при переходе в вечность.

Если познакомимся с Учением Индии, то найдем там ту же Истину: «...Неискавший совершенствования дух погружается при смене тела в безразличное состояние и затем блуждает, томимый неосознанными воспоминаниями. Причем воспоминания низкотелесные погружают его в беспросветное...», «...совершенствование стремлений даст спокойствие переходить из одного тела в другое. При этом достигается качество Архата, который никогда не прерывает течение сознания и постоянно устремляется в будущее». (Агни-Йога, § 130). Или «Достижение сознательного существования, или сохранение полного сознания во всех оболочках и всех Сферах, и есть величайшее достижение Архата. Это и есть Амрита, или истинное бессмертие...» (Из писем с Востока Е.И.Р.).

Христос всегда и всюду в своем Учении подчеркивал необходимость активности самого человека: «иди и не греши», – т.е. требовал вести борьбу со своими желаниями и страстями. «Вера твоя спасла тебя...» и «если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницею, но если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море – будет». (Матфея 21 – 21). И еще: «И не совершил там многих чудес по неверию их» (Матфея 13 – 58). В этих постоянных указаниях и требованиях о «вере», кроется тоже какое-то качество внутренней или духовной активности человека, ибо он может верить и не верить, так же как он может делать и не делать. Вера была уже во время Иисуса обязательна. Ее не требовали только от бессловесных существ, но каждое человеческое существо обязано было и могло развить в себе веру. Только чрезвычайно грубый материализм, отсутствие наблюдательности, нежелание подумать серьезно и внимательно над окружающими его явлениями и поверхностное отношение ко всему, что не касается его материальных интересов, приводит человека к безверию. Теперь же этот недостаток усугубляется еще и тем, что сейчас мы должны уже придти к наивысшей степени веры – к знанию. И для этого мы вооружены всем, что нужно. Недалеко уже будет то время, когда каждый неверующий станет в разряд служителей тьмы, ибо в его натуре будет господствовать отрицание без серьезного знания того, что он отрицает, и нежелание познать Источник жизни, истины и блага.

К сожалению, как прежде, так и сейчас еще люди слишком широко толкуют требования веры, прикладывая ее к своему оправда-

нию и очищению от всех своих недостатков и поступков, без всякого труда и работы над собою.

В мире все преобразуется, меняется и совершенствуется. Исаия говорит (66 – 22): «Ибо как новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицом Моим». И Ориген высказывает ту же мысль: «Начало рождается из Конца, и Конец из Начала и все так изменяется, что кто теперь – человек, тот в ином мире может сделаться демоном, а демон, если будет жить слишком небрежно, получит грубейшее тело, т. е. делается человеком». О Началах стр. 92.

Есть много разных ступеней или чинов в Божием мире и «каждое разумное существо, переходя из одного чина в другой, постепенно может перейти (из своего чина) во все остальные... потому что всех этих разнообразных состояний преуспевания и упадка каждое существо досимгает собственными достижениями и усилиями, которые обуславливаются способностью каждого (существа) к свободному произволению». Там же, стр. 95.

«Отсюда следует, что из людей происходят все разумные твари, не однажды или мгновенно, но неоднократно и что мы так же, как и ангелы, если будем жить нерадиво, сделаемся демонами, и, наоборот, демоны, если захотят стяжать добродетели, достигают ангельского достоинства». Там же, стр. 96.

Но ни в коем случае нельзя растягивать эту веру на все, что нам вздумается и покрывать ею все свои пороки, «веря», что как вода с гуся сбегает, так и нас при «вере» не коснутся следствия пороков. Силою веры, силою своей внутренней мощи, также творит и черная магия во благо себе и во вред другим. Верю можно сотворить, но не оправдаться. Верю можно исцелиться, но не искупиться от содеянного. Если же Христос говорил, что «вера твоя спасла тебя», то тут нужно понимать веру в Бога, веру в великую Любовь Его и в прощение всего содеянного при преображении всей нашей жизни. Духом и сердцем, т.е. высшим сознанием человека может быть проведена граница и постигнуто что такое вера, и что она может, и чего не может дать.

Великим актом своих страданий и смерти Христос запечатлел лишь в нашем сознании свое великое Учение. Он сам неоднократно выражал мысль, что только то зерно взойдет и даст плод, которое само умрет. И в нашей жизни мы замечаем, что люди не становятся чище и лучше вследствие «таинства искупления». Нужна своя личная активность и долгая работа для победы и подчинения

своих низших животнo-эгоистических сторон. И каждый из нас поймет, что со всеми нашими недостатками мы не можем войти в обещанное Царство Небесное, ибо нам там делать нечего. Да и, кроме того, Царство Небесное не может быть дано извне Кем-либо, ибо оно внутри нас самих, и только будучи сами активны в смысле очищения и возвышения себя, мы удостоимся того, что своим же внутренним духовным светом озарим все окружающее нас и тем преобразим его в совершенно иной великий Мир. Так каждый лишь в себе несет это великое Царство Небесное. Но к этому вопросу я вернусь еще, когда речь пойдет об Искупителе. Сейчас же я хочу с вопросом веры коснуться и веры в прощение грехов.

В ев. Мф. (16 – 18) сказано: «...ты Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». Далее у Мф. (18 – 18 до 20) говорится: «Истинно говорю вам, что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе. Истинно говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

Церковь, основываясь на только что приведенных словах, присвоила себе право прощать грехи и разрешать деяния людские. Эти великие преемственные прерогативы, как: передача власти, силы, благословения и проклятия, связующие наши сущности не только на эту нашу жизнь, но и на небесную, – должны быть рассмотрены особо и разобраны детально.

Петр сам в своем I послании говорит (2 – 4): «Приступая к Нему (Христу), камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному. И сами, как камни, устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы». В этом послании он нисколько не выделяет себя среди нас, а наоборот, и нам говорит то, что Христос заповедал ему, ибо дух наш – основа всего, камень, на котором должны устроить духовный дом или храм и который врата ада не одолеют, если он будет сооружен не на песке, а на камне, или духовности.

Священник православной церкви после исповеди произносит: «Аз, недостойный иерей, властью, мне от Бога данной, прощаю и разрешаю».

Духовенство же католическое на выпускаемых ими индульгенциях писало: «... в силу Его (Христа) всемогущества и всемогуществом блаженных Его апостолов Петра и Павла, а также в силу апостолического всемогущества, на меня перенесенного и к тебе примененного, я освобождаю тебя от грехов твоих...». (Из истории инквизиции). Результаты этих деяний известны – шла торговля благодатью Божией, благодаря которой в историю церкви вошло как нарицательное слово «симония», происшедшее от Симона волхва. В деяниях апост. (8 – 18) сказано: Симон же, увидев, что через возложение рук апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на которого я возложу руки, получил Духа Святого. Но Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги... Ибо Вижу тебя, исполненного горькой желчи и в узах неправды».

Хороший отзыв дал Григорий Богослов о духовенстве его времени, но об этом будет сказано позже. Да и Иоанн Златоуст не боролся ли с симонией, отчего и пострадал сам? Ведь низложен он был голосами тех иерархов, с симонией которых он боролся. Да и теперь этот грех проводится, но под другой формой. При хиротонии на епископские посты даются обещания не на служение истине, правде, любви, заповеданной Христом, а на строгое соблюдение догм, принятых церковью. При этом не разбирают того обстоятельства, откуда и как произошел «символ веры» с его догмами. Разве это не обещание служению церковной иерархии, установленной издавна, и каковая мудро оградила себя от всяких поползновений к изменению всего установленного, а вместе с тем, и своей власти, но не прямо, а косвенно, непреложностью мертвых догм? Это было в обеих частях расколовшейся церкви. Борьба за власть была главной причиной всех раздоров церкви, но это будет ясно из дальнейшего, с подтверждением сказанного Григорием Богословом: «Предлогом споров у нас Троица, а истинною причиною – невероятная вражда...» В западной же половине ее, кроме того, сильно процветала торговля индульгенциями, против каковых так яро ополчился Лютер. За исповедь с отпущением грехов и теперь еще, хотя и не принуждают, но все же берут деньги, т.е. продолжается продажа божественной благодати и прощения. Так использовала церковь сказанные слова Христом. Христос не устанавливал таинства проклятия, или анафемации, а ведь оно развилось махровым цветом и употреблялось во все времена истории церкви единолич-

но и совокупно целым собором и не было такового, который завершился бы без этого излюбленного ими акта. Такой корифей церкви, как св. Кирилл, умудрился выпустить целых 12 анафемаций в одном своем послании, которые будут приведены в соответствующем месте этой книги. Неужели все это делалось по воле Христовой? Нет, все это вершилось самочинно! Так же происходило и с преемственной передачей власти прощать и разрешать; и это узурпаторство никогда и ничем не может быть оправдано: ни словами Христа, ни логикой нашего разума от Господа данного.

Правда, в евангелии от Иоанна (20 – 21) сказано: «Иисус же сказал им вторично: «мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас». Сказав это, дунул и говорит им: «примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся». Это место евангелия, действительно, свидетельствует, что апостолам была дана великая власть не только прощать грехи, но и исцелять немощи человеческие. Но нужно принять во внимание, что прежде, чем даровать власть прощения грехов, был ниспослан на них Св. Дух, дающий им ведение всей сущности человека и вместе с этим даром и знание, когда можно давать прощение. «Ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, – или сказать: встань и ходи?» Мф. (9 – 5). Не тесно ли связаны эти великие силы между собою? Исцелять – значит снять с исцеленного причину его немощи, а это все тот же акт, что и простить; но опять-таки скажу, что нужно знать, когда это великое благодеяние может быть сотворено. Если бы можно было без разбора производить целение людей, тогда существование всех недугов человеческих было бы бессмысленно и неоправдываемо и природа, столь целесообразная и мудро организованная, не знала бы их вовсе. Но даже Христос не во всех случаях мог произвести это исцеление. Смотрите Мф. (13 – 58): «И не совершил там многих чудес по неверию их». А духовенство наше, да еще и за деньги, даст такое прощение во всех случаях без исключения, но, правда, всегда без исцеления немощей человеческих; но ведь это же неверно и, в лучшем случае, эта ошибка связана с самообманом. Можно ли простить ребенка, но оставить его стоять в углу, или амнистировать заключенного и оставить его пребывать в заключении? Тогда это прощение и амнистия не будут таковыми. Как же назвать этот нелепый акт, как не обманом и самообманом?

Св. Антоний Великий уже в III веке пророчествовал своим ученикам о будущем в иноческой жизни (Добротолюбие, том I,

стр.112): Со вздыханием и слезами открыл им, что «придет время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо них в богатые города, где, вместо этих пустынных пещер и тесных келий, воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств; смирение заменится гордостью; многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию; любовь охладает; вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах, не меньше самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником; и несмотря на то, что будут жить среди мира, будут называть себя уединенниками (монах – собственно уединенник). При том, они будут величаться, говоря: я Павлов, я Аполлосов (1 Кор. 1 – 12), – как бы вся сила их монашества состояла в достоинстве их предшественников, – они будут величаться отцами своими, как Иудеи – отцом своим Авраамом. Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас; ибо блаженнее тот, кто мог преступить и не преступил, и зло сотворить и не сотворил (Сир. 3 – 11), нежели тот, кто влеком был к добру массою стремящихся к тому ревнителей. Почему Ной, Авраам и Лот, которые вели ревностную жизнь среди злых людей, справедливо так много прославляются в Писании».

Вот предвещание Антония грядущего падения духовных устремлений монашества и тем паче светского духовенства. Если такое падение не могло ускользнуть от духовного взора Антония – человека, то неужели же Божественное предвидение не могло знать, как может быть использовано преемственно данная Благодать Божия, и Господь, несмотря на явления симонии и индульгенции и пр. торговлю этой Благодатью, все же пошел на этот акт? Может ли все это быть? Воистину, это лишь использование долготерпения Божиего, без всякой мысли о возможности ответа за эти поступки.

Вообще, нужно сказать, что церковь христианская любит задумываться и согласовывать свои чувства, устремления и мысли. Примером тому служит какое-то странное совмещение в почитании и поклонении святым: Феофилу и Кириллу Александрийским и др. гонителям, – и гонимым ими Григорию Богослову и Златоусту. Думается, что нужно выбирать что-либо одно: или быть на стороне гонителей, либо на стороне гонимых, – нельзя сидеть между двух стульев, тогда легко очутиться на полу.

Если обратить внимание не на заключительные слова, приведенные мною выше (Мф. 18 – 18), а прочесть, начиная хотя бы с § 2-го, то мы увидим, что весь характер поучения Христа был общим для народа, с призывом ребенка в среду окружавших Его лиц, с притчею о пропавшей овце и с указанием как отнестись к согрешившему перед нами брату, и только после этого Он произнес вышеприведенные слова, т.е. всем окружающим Его лицам. Исходя из сказанного, эти слова были обращены ко всем нам, чтобы мы нашли в себе силу прощать всем прегрешившим против нас и разрешать все споры и ссоры между собою в этом мире, чтобы перенести в тот мир лишь благие следствия поступков наших. Ибо всякая причина порождает следствия, которые связывают нас как в этом мире, так и в мире духовном. Вот где кроется смысл сказанных слов Христа и ничуть нельзя толковать их, как прерогативу власти и, вдобавок, с преемственной передачей ее даже недостойным иереям, живущих жизнью обычных мирян.

Никогда ни один Учитель не будет повторяться несколько раз, повторяя одно и то же. Но в каждое такое повторение всегда будут вплетаться все новые стороны нашего бытия, новые частности всеохватывающей истины. Если в одном случае Господь говорил о необходимости прощения всех прегрешений перед нами нашими братьями, то в другом случае, в обращении к апостолам, было то же, но с добавлением им, и только им, дара великой власти ПРОЩЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО с исцелением при этом, ибо они уже были подготовлены к такому великому доверию, но такое доверие не могло быть распространено на все священство, полное само греховности и не обладающее даром Св. Духа – ведения сокровенных сторон человеческих. Вот почему в повторенных словах Иисуса нужно всегда искать новых сторон, расширяющих смысл слов в начале сказанных, но при неудачной передаче часто стертых и затертых.

Даже для мощи Иисуса внутренние условия человеческой сущности столь сложны и многочисленны, что не всегда могла проявиться эта мощь, объясняемая в евангелии «по неверию их». Трудно формулировать земными определительными словами тонкую и сложную духовную зависимость явлений и в особенности в то время глубокого невежества, чтобы хоть сколько-нибудь было бы понятно окружающим людям. Потому оно формулировано кратко как «неверие». Так заблуждались и заблуждаются и до сих пор от-

цы церкви и так, недостойные из них, пользуются этим заблуждением для собственного благополучия.

Сколько великих христианских подвижников понимали эти заблуждения и боролись с ними. Иоанн Гус, сожженный на костре «святой» инквизицией, уже поучал народ: «Папа, если он не следует Петру, не будет Папой и настоящим преемником Петра». Подобные действительные подвижники христианские понимали всю трудность и необходимость ЛИЧНЫХ ЗАСЛУГ для получения Благодати, а не преемственную передачу ее. Так в Добротолюбии на стр.133, 2-го тома Иоанн Каосиан говорит: «Итак, как ленивым земледельцам, которые не стараются обрабатывать свою землю, Бог не дает плода, так и трудолюбивым не принесет пользы повсечасная забота, если не поблагопоспешит им милосердие Божие...» Далее он говорит: «Воля Божия всегда желает, чтобы созданный им человек не погиб, но во веки жил. Бог, если заметит в нашем сердце хоть искру расположения к добру, по благосердию Своему, не даст ей угаснуть». В 3-ем томе Добротолюбия на стр. 271 св. Максим Исповедник говорит: «Невозможно сдружиться с Богом нам, бунтующим против Него страстями и охотно платящим дань греха злему тирану и губителю душ...» В 5-ом томе Добротолюбия на стр. 71 св. Старцем Симеоном Благоговейным сказано: «... тогда внутри обыкновенно является некое духовное воссияние света наподобие луча. И чем больше взыскиваешь его, со вниманием крепким, мыслью неразвлеченною, трудом великим и слезами, тем более оно является яснейшим и яснейшим: являясь таковым, возлюбляется; любимо бывая, очищает; очищая, делает боговидным, просвещая и научая различать доброе от худого».

В I томе Добротолюбия на стр. 28-ой св. Антоний Великий пишет: «Я молился за вас, да сподобитесь и вы получить того великого огненного Духа, которого получил я. Если хотите получить Его, так чтобы Он пребывал в вас, принесите прежде труды телесные и смирение сердца, и восторгая помышления свои на небо, день и ночь, взыщите с правотою сердца Духа сего огненного, и Он дастся вам... Кто возделывает себя этим возделыванием (показанными подвигами), тому дастся Дух сей навсегда и навеки...» И этот подвижник говорит, прежде всего, о необходимости труда над собою, а потом уже следует ниспослание Духа, ясно зримого и ощутимого «навек».

Таких указаний в пяти томах Добротолюбия великое множество и все они подтверждают, что благодать Господня дается не ина-

че, как через великий труд, исключительное и многолетнее терпение и милостию Божиею. Через рукоположение же «недостойного» иерарха, как они именуют себя, можно получить лишь золотую рясу или митру, с человеческим правом совершать те или иные требы, но по Божественному соизволению, быть может, и того даже не дано будет. Но этого знать мы не можем, ибо велико долготерпение Божие.

После всего вышесказанного мне хотелось бы поставить еще один вопрос: Для чего, в самом деле, нужна высшим Светлым Сущностям эта «преемственность», неужели только для передачи своей благодати не достойному, а рукоположенному? Такая преемственность по сути своей несправедлива и идет вразрез с достоинством, личным трудом и заслугами. Неужели возгласы священства и пение хора «аксиос», т.е. достоин, являются для светлых Сил гарантией этой достойности? Неужели эта великая Благодать свыше не может или не имеет права себе избрать иное лицо и снизить на него без обряда рукоположения и, зачастую, лица недостойного, и другого пути для передачи этой благодати нет? Какую великую, и я сказал бы, кощунственную опеку и свое недостойное управление наложило человечество на эту благодать!

Но помимо мест, плохо понимаемых, в Евангелиях, есть даже места, которые совершенно неприемлемы в том виде, в каком они изложены. Все это ясно указывает, что каждое Евангелие есть труд компилятивный, а потому оно не может быть Боговдохновенно во всех своих частях. «... и увидел Иоанн Духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се глас с небес глаголящий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение». Мф. (3 – 17). Теперь сопоставьте со следующей выдержкой: «Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, которому надлежит придти, или ожидать нам другого? Мф. (11 – 2,3). Мог ли Иоанн забыть великое свидетельство с небес во время крещения Иисуса? После такого свидетельства, потеряем ли из вида или из памяти человека, над которым оно совершилось, и какое еще подтверждение можем мы желать помимо совершенного? Та же странная неувязка есть и у Луки (3 – 22): «отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголящий: Ты сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение». И дальше у него же (7 – 19): «Ты ли Тот, которому должно придти, или ожидать нам

другого?» И так, Иоанн, если слышал голос с неба, не мог посылать из темницы своих учеников с вопросом ко Христу: «Ты ли Тот...» А если не слышал, то кто же тогда мог слышать?

Всегда старый мир, отстаивая свои воззрения и свое миропонимание, будет всячески противиться всему новому. Привычки и консерватизм людей очень сильны, и в особенности, в вопросах религиозных. Так было всегда, так есть и теперь. То же замечалось и в начале Христианской Эры. Такое отстаивание особенно болезненно протекает в семьях, бывших ранее дружными, где споры постепенно переходят в ссору и вражду, но все-таки и при этих условиях невозможно, чтобы Христос мог выразиться, как сказано у Луки 14 – 26: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а при том и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». Нужно быть чересчур земным человеком с необузданными эмоциями, чтобы можно было бы так выразиться, и поэтому эти слова вложены, быть может, не Лукою в уста Христа, а составившим ту первооснову, легшую в основание Евангелия Луки, и свои личные переживания этот неведомый автор перенес на Христа. Лука, же, щадя этот первоисточник, не решился его исправлять. «Но внутренний смысл их и так ясен. Если человек больше служить будет домашним своим нежели Духу и Учению Блага, то кому какая польза может получиться от этого? В Учении указано о родстве кровном и родстве духовном. Назовите, когда и где приносящий свет в любую область был принят своими домашними или современниками. В жизни разве не самые близкие чаще всего не понимают и умаляют нас? По своей телесной и кровной близости они накладывают на нас какие-то права. Люди не хотят понять, что поверх всякого родства земного, есть родство духовное, и благо, когда оба родства, земное и кровное, сочетаются здесь, но это явление редчайшее.

В одной семье нередко собираются духи с совершенно различными прошлыми жизненными накоплениями». Из письма Е.Р.

У Матф. (10 – 34) это место уже выражено значительно мягче: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его».

В «Деяниях апостольских» Павел пишет (22 – 7): «Когда я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня

великий свет с неба. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! что ты гонишь меня. Я отвечал: кто ты, Господи? Он сказал мне: Я, Иисус Назарей, которого ты гонишь. Бывшие же со мною свет видели и пришли в страх, но голоса, говорившего мне, не слышали». В Деяниях 9 –7 сказано: «Люди же, шедшие с Павлом, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя». Подобное расхождение в сведениях свидетельствует работу различных лиц, преломляющих события каждый по своему.

Сопоставляя все изложенное, конечно, не допустишь и того, что великий Учитель, проповедовавший любить даже врагов своих, мог бы проклясть ни в чем не повинную смоковницу и терпевшую всяческий ущерб у дороги. Если мы неразборчиво относимся к своим мыслям и словам и не придаем им должного значения и могущества, то того нельзя сказать про великого Учителя. Если бы Он, еще будучи столяром, мог срубить смоковницу для своих или чужих нужд, то это было бы ничто по сравнению с Его проклятием, коснувшимся ее сущности, а не формы – тела при работе топором и рубанком.

Прочитывая Евангелие далее, не допустишь и повествование у Матфея 15 – 20: «Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Конечно, можно всячески пытаться объяснить их, но все же эти слова не устами Христа были произнесены. Как часто человек, совершенно несознательно, свои мысли и взгляды вкладывает в уста другого. Учитель великой Любви не мог быть заражен национальной неприязнью, хотя бы даже к хананеянам, а потому автором этих слов мог быть только кто-либо из последователей Его, у которого национальная неприязнь еще не выдохлась и чьи слова вошли сначала в сборник повествований, а после оттуда и в Евангелие.

Это место и раньше, в первые века Христианской эры, вызывало всяческие обсуждения, ибо допустить их прямо, как сказано в Евангелии, нельзя. Об этом месте Ориген в III веке говорит: Возможно также, со слов Иисуса, что есть такие хлебы, которые следует давать лишь наиболее разумным, как бы детям своим; и другие, как бы крошки со стола благороденных, которые подбираются некоторыми душами, подобно тому, как делают это псы».

(Origen against Celsus, bk. III ch LIX).

Из этих слов глубокого мыслителя и ученейшего мужа того века вытекает, что это лишь притча Христа была, которая вставлена из сборника отдельных изречений Христа и приведена как случай встречи Его с этой иноплеменной.

Настроение христиан тогдашней общины было – страстное ожидание второго пришествия Христа. Это нетерпение сказывается и в Евангелии Матфея (10 – 23): «не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий». Могут указать и на Павла в его посланиях, но я бы сказал, что, вообще Павла трудно понимали в его время, ибо он жил наполовину не в здешнем – земном мире: «сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые о Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках, в сретение Господу на воздухе, и там всегда с Господом будем». (Пос. Фес. IV, 10 – 17). Понятие этих слов трудно дается человеческому сознанию. С одной стороны, люди не понимают, что чистота жизни раскрывает у них их внутренний взор и внутренний слух. Они как бы этим приобщаются к великому Тонкому Миру по мере своего очищения и подчинения духу физической своей стороны. С другой, люди не верят в возможность такого познания Тонкого Мира и даже в самое существование его. У таких людей объяснение всевозможных видений и яснослышания, этих редких феноменов в современной жизни, являются, как галлюцинации нервно больных людей. Люди привыкли к отрицанию всего того, что недоступно их собственному восприятию, и каждое такое явление у других объясняется расстроенным воображением. Они не хотят понять, что эти ярлыки, как расстроенное воображение или галлюцинация, есть какой-то факт восприятия действительности. К стыду человечества нужно сказать, что восприимчивые способности его настолько огрубели, благодаря недостойной жизни, что многие животные стоят на более высокой ступени и, чтобы достичь каких-либо явлений, указанных выше, человеку нужно стать нездоровым, «ненормальным» для утончения или заострения этих восприятий.

Скажите, как иначе можно понять слова св. Писания: «мертвые услышат голос Сына Божия», или «находящиеся в гробах, услышат голос Сына Божия», или «имеет жизнь вечную», или «перешел от смерти в жизнь» (Иоанн, V, 24, 25, 28), а также: «которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие...» (М-к, 9 – 1) и т. д. Мы знаем, что не только с тех пор, но и с самого начала веков и до сих пор никто не миновал смерти. Поэтому все эти слова надо понимать не буквально, а иносказательно. Жизнь вечная преуказана не в смысле сохранения нашего бренного тела, а в сохранении созна-

ния при переходе из одного состояния в другое, т.е. из физической жизни к жизни тонкого мира и обратно, как я уже об этом говорил. Не брэнное, мертвое тело услышит глас Божий или трубы Архангелов, а у человека раскроются его внутреннее зрение и слух, и он познает то, что до сих пор не воспринимал. Такие явления бывали уже в жизни человеческой и зафиксированы наукою. Одно такое явление я опишу ниже, из целого ряда других помещенных мною в моей первой книге «Воспитание Духа».

Даже такое выражение Павла как: «... мертвые о Христе воскреснут прежде, потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках...» – само собою показывает, что говорится не о мертвых телах, а о «мертвых о Христе» и потому воскресение не есть воскресение тела, а пробуждение духа. Конечно, не брэнные тела подымутся на воздух в облака, ибо в книге бытия сказано по этому поводу (3 – 19), что все взятое от земли в землю и превратится. Эта истина засвидетельствована многими тысячами нашей историей. Исключения не было и не могло быть. Но об этом вопросе я коснусь подробнее в главе III, чтобы не нарушить цельности обзора Евангелия.

Следует вдуматься и понять слова Христа: «Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоанн, IV, 23 – 24). После этих слов может ли возникнуть вопрос о воскресении тела, о вечной жизни брэнного тела, о причащении его спасения ради и т. д., и т. д.?

Чем ближе было ожидаемое пришествие в передаче проповедников, тем с большим нетерпением и страстностью ожидалось оно.

Все уповали, «что не вкусят смерти, как увидят Сына Человеческого, грядущего во Царствии Своем». (Матфея 16 – 28). Те же чаяния есть и у Марка (9 – 1) и у Луки (9 – 27). Люди поэтому продавали свое имущество, а деньги складывали к ногам апостолов (Деяния 4 – 35), проповедовавших нищету и бездомие. Последователи их совершенно обособлялись от остального общества и держались вместе, проводя время в молитве и на поучениях. Общее питание с преломлением хлебов послужило к учреждению таинства евхаристии с добровольными приношениями. Возникавшие беспорядки в связи с распределением питания вызвали «диаконов», главная обязанность коих было – справедливое наделение всех неимущих.

Проф. Вреде обратил внимание на обстоятельство, что ни один из апостолов, с которыми Христос вкушал вечерю, плывал по Галилейскому морю на лодках и пешком путешествовал по окрестным пустыням, не мыслил Христа в такой мере Мессией, Творцом и Богом, как Павел, у которого перед глазами не было человеческого образа Иисуса. Такие люди скорее отождествят свой внутренний образ Христа и перенесут его на человека Иисуса.

Но Вреде не понял Павла, как и многие не понимают ни Павла, ни других апостолов, ни самого Иисуса Христа. Павел и все апостолы, а с ними и величайшие из отцов церкви, всегда имели в виду Бога во Иисусе и Христа во всех нас. Да и Христос всегда стремился внедрить в нас мысль единства духа: «Я в вас и вы во Мне». Но последователи Его и апостолы этого не понимали и не принимали во внимание, все переиначили и исказили по своему все Учение.

Христос, будучи прост, кроток и глубок, как истинный Мудрец и Учитель, никогда не возвышался над другими, говорил всегда так же кратко, мудро и прямо, каким сам был всегда. В своих речах касался лишь сущности вещей, каковая раскрывалась Ему из великих Тайников Природы Его великому Духу. «Блаженны алчущие и жаждущие правды...», «не судите и не судимы будите...», «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже разгорелся!». Таким было все Его Учение!

Последователи же Его во многом переиначили по-своему, изменили и создали, в конце концов, новое учение – не Божеское, но человеческое! И все это делалось в лучшем случае из-за большой любви к своему Учителю. И эта любовь их может оправдать их, но не содеянное ею. Как мать из-за большой любви часто губит своего ребенка, так и они из-за большой любви к Нему губили Дело Его. Погубить не могли, ибо Истина, данная Им, не может погибнуть, но для затемнения ее на целых 2000 лет сделано многое. Нельзя в земной порфир и пурпур одевать Того, чья вся жизнь была необычно проста и скромна. Каждый из нас создает свое царство всем окружением своим, но Его Царство «не от мира сего», а именно Царство Истины и великой Любви, где станет наибольшим тот, кто будет слугою всем.

Христос говорит: «что вы зовете Меня Господи, Господи! и не делаете того, что я говорю?», (Лука 6 – 46). Основная мысль Его Учения – исполнить Волю Пославшего Отца Его и научить людей развить и выявить те стороны их духовной сущности, которые

приведут их к Царству Божьему. Ибо все данные к тому заключаются в нас самих, и, помимо нашей работы над собою, иного пути нет. У последователей же Его господствует устремление получить блага. В начале, правда, христианская община стремилась не к земным, а к небесным, или духовным, благам, но после все больше и больше переходили к «хлебу насущному», понимая его недопустимо низко и узко. Это устремление получить и выявлено в словах Павла, но его слова нужно понимать особо, о чем скажу ниже: «Тот, который Сына своего не пощадил, но предал за нас, как с Ним не дарует нам всего?» (Рим. 8 – 32). Иисус поучает: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный», а Павел утверждает: «Христос предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего» (Рим. 4 – 25). Если Христос постоянно обращался к воле человека с указанием, что «Царство Небесное силою берется» (Матф. 11 – 12), после же Павла господствует основной мотив – спасение в готовом виде всем верующим. Все это было основано на неправильно принятых словах Павла: «Что же? Станем ли грешить потому, что мы не под законом, а под благодатью? – Никак! Ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная». (Рим. VI, 15 – 22). Т. е. под законом стоит тот, кто не исполняет его, а исполняющий будет над законом и под благодатью.

Великое хождение апостолов в подражании Христу с проповедью по всей Иудее, Греции, Египту и во всех Римских провинциях было совершаемо по указанию Иисуса в стремлении привлечь к Учению Христа возможно большее число последователей и «обойти все города Израилевы» и тем приблизить второе Пришествие. «...идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет». Но при проповеди Евангелия, во исполнение приказа Христа, нельзя было не обратить внимание и на другие Его слова: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». Нужно было очень осторожно подходить к людям, присматриваясь к нуждам и испытывая их, чтобы найти те уголки их сердца, через которые возможно было бы подойти к их духу.

Для этой цели прибегали они к различным диалектическим приемам. К ним относятся обещания спасения, прощения наших

грехов, дарование жизни вечной и всяческих благ, как Небесных, так даже и земных и т. д.

Поэтому не все проповеди апостолов и обращения их к народу могут быть принятыми, как обоснование Учения Христа, ибо оно часто было еще меньше, чем «молоко», приуроченное для соответствующего сознания, и потому во всех этих обращениях были так сильно завуалированы действительные крупницы Учения. Нельзя было ограничиваться проповедью лицам с возросшим духом, готовыми к принятию учения. Нельзя было ставить на одну доску развитой ум человека с умом полуживотного состояния и подходить к последним с теми же высокими Истинами и мыслями, с какими мы подходим к первым. Но все же нужно было всем дать то, что облегчило бы их эволюционный путь.

Апостол Петр тоже благовестит своей пастве, указывая на важность собственной активности в достижении известных качеств: «Зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни... но драгоценною Кровью Христа, как непорочного и чистого агнца... послушанием Истине через Духа, очистивши души ваши к нелицемерному братолюбию, – поясняет он дальше, – постоянно любите друг друга от чистого сердца, как возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия, живого и пребывающего в век». (1. посл. Петра 1 – 18)

Также эта активность чувствуется и в следующих словах Павла: «А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровью Христовой, ибо Он есть мир ваш (от слова умиротворить), соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей Учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устроая мир... при посредстве Креста, убив вражду на нем».

Идеальное представление Павла о Христианском обществе люди приняли как результат автоматического получения «благодати» таинством крещения и причащения. Таким образом Учение Христа искажалось непониманием слов апостолов и их обещаний, а с другой стороны сведением всей работы над собою на исполнение обрядов и возложением на Христа всех своих недостатков, уповая, что Он своим Телом и Кровью искупит все пороки наши.

Иудеи времен Христа «ходили под буквою закона», и Христос восстал на возведение буквы выше закона, и постепенно Он отменял все надуманные старцами обычаи и обряды, введенные в раз-

ряд многочисленных законов, затемняющие и подчас даже отменяющие самый закон Божий. Поэтому, в отличие от такого закона, Учение Христа зовется «Благодатью» в Писаниях Павла. И действительно, только так можно было назвать великое Учение Христа, которое полностью мы не знаем, ибо оно было сокровенно и давалось лишь подготовленным к тому. «И я не мог говорить с вами, братья, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские. Ибо, если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы, и не по человеческому ли обычаю поступаете?» (1. Кор. 3 – 1).

Но таких подготовленных, кои могли бы услышать сокровенное Учение Христа, не стало, все устремились к материальным благам, и Учение Его – твердая пища – забыто. Даваемое же «молоко» перестало со временем удовлетворять расширившийся разум человеческий и во многом оно без твердой основы остается непонятным.

А в доказательство, что и христианство когда-то обладало такими знаниями в Евангелии от Марка (4 – 36) сказано: «Без притчи же не говорил им, а ученикам наедине изъяснял все». Но даже при конце жизни своей Он им однажды сказал: «Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить» (Иоанн, 16 – 12). В «Деяниях Апостолов» (1 – 3) сказано: «...в продолжении сорока дней, являясь им и говоря о Царствии Божиим». В сохранившемся известном гностическом трактате «Pistis Sophia» мы читаем: «Случилось, что когда Иисус восстал из мертвых, Он провел одиннадцать лет, говоря со Своими учениками и поучая их». (trans. by g. Mead I, i, I).

Игнатий, епископ Антиохийский, ученик Св. Иоанна, говорит о себе: «Разве не мог бы я писать вам с большей полнотой о Мистериях? Но я боюсь это делать, чтобы не нанести вред вам, кои все еще младенцы. Простите меня за это, иначе, не будучи способны перенести их веское значение, вы могли бы быть подавлены им...» The Martyr dom of Ignatius ch. I. Epistle of the Trallians, ch.V.

Св. Климент, епископ Александрийский, пишет: «Есть также вещи, которые долго оставались незаписанными и которые ныне изгладились, и другие, которые исчезли, поблекнув в самом уме, ибо задача эта не легка для неопытных; эти я стараюсь воскресить в моих Комментариях. Другое я намеренно пропускаю в целях мудрого выбора, боясь записывать то, о чем я остерегался говорить; не из не-

желания давать, ибо это было бы неверно, но боясь за моих читателей, чтобы они не споткнулись, принимая сказанное в превратном смысле и, чтобы нас не обвинили, что мы протянули меч младенцу».

Далее св. Климент Александрийский пишет: «Господь дозволил нам сообщить об этих божественных Мистериях и об этом священном Свете тем, кто способен воспринять их. Он не раскрыл для многих то, что не принадлежит многим, но лишь немногим, которым Он знал, что они принадлежат, которые были способны воспринять и переделаться соответственно им. Но сокровенные вещи доверяются устной речи, а не писанию...» Из «Stromata», вк. I, ch. I.

Далее св. Климент заявляет, что Гносис, сообщенный и открытый Сыном Божиим, есть мудрость... И сам Гносис есть то, что перешло через передачу к немногим, переданное изустно Апостолами». («Stromata», вк. V, ch. X).

Св. Климент заканчивает так: «Да будет этот пример достаточен для тех, которые имеют уши. Ибо не подобает раскрывать тайну, но лишь указать так, чтобы достаточно было для соучастников в знании постигнуть ее умом».

«Тайны веры не могут быть открыты всем... Необходимо скрывать под покровом тайны Мудрость сказанную». Климент Алексан. «Stromata», 12.

«Повествования Доктрины составляют ее Покров. Невежды смотрят лишь на внешнее одеяние ее, т.е. лишь на повествование Доктрины; большего не знают они. Знающие же, наоборот, видят не только покров ее, но также и то, что скрыто под ним». Зохар, (III, 152; Франк, 119).

У Павла есть еще одно место, слабо понимаемое людьми: «мы уповали во Иисуса Христа, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона», – и далее: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою». Гал. (2 – 16 и 3 – 13), клятва – проклятие: «проклят всяк, кто не исполняет всего, что написано в книге закона» (Второзак. 27 – 26). Иными словами, Христос снял с нас всякое проклятие, ибо его и не было никогда: Бог есть Любовь. Он совершенен и к этому совершенству Христос зовет и нас. Но если мы должны любить даже врагов своих, то отсюда ясно, что всякое проклятие снято великою Истиною, открытою Христом.

Конечно, Павел понимает под законом – Ветхий Завет, суровый и мстящий, с таким же мстительным Богом, ибо иного Бога тот народ не мог бы понять. Но всяческий осознанный в сердце человека

голос есть голос Христа, народившегося в нашей душе и дающего свое поучение, тайное и сокровенное (Ефес. 3 – 17), и только в этом случае нет человеку оправдания при его нарушении.

Ни один из апостолов не мог отстранить законов в нашем понимании не Ветхого Завета. Мир жил до пришествия Христа, он же и продолжает жить после Него. Всякая жизнь протекает в условиях законов как в проявлениях видимых, осязаемых и воспринимаемых нами, так и не воспринимаемых и не познанных еще нами. Христос говорил своим ученикам только о законах, Космических законах; все Учение Его о них: «Как хотите, чтобы люди с вами поступали, так и вы поступайте с ними», или «не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую». Т.е. не ропщи на полученную обиду, ибо это есть следствие тобою когда-то содеянного, прими ее с сознанием искупления своей вины⁷; или «какою мерою мерите, такою и вам отмерят». Все это – один закон, вечный Космический закон, в различных вариациях сказанный, который теперь наукою именуется законом «причин и следствий». Вся химия и физика возведены на основании его. «Отец и Я – едины», или «Отец во Мне и Я в Нем», или Я в вас и вы во Мне» – такой же Космический закон «единства» всего. Современная наука знает единство материи и единство сил. Не далеко то время, когда к единству материи и сил наукою будет присоединен и дух. Тогда мы воочию представим себе, что такое Св. Троица. Далее Христос поучает: «Истинно, говорю Вам, прежде Авраама – Я был», или «небо и земля преидут, но слова Мои не преидут», – или – «что выскажете на земле, то будет связано и на небе»; и что разрешите на земле, то будет разрешено и на небе». Все эти последние слова Христа выражают закон причинности, или кармы, и «вечности» всего. Ибо истина и Вечность – синонимы. Как яснее пояснить, что, если на земле мы не разрешим или не уладим наши распри с ближними, то не разрешатся они и в Тонком Мире. То, что мы сеем здесь, пожинается нами там. Конечно, церковники истолковали это изречение, как означающее передачу апостолам Христом власти и права связывать и разрешать или, другими словами, карать и прощать. На этом утвердили они, как мы знаем свою церковь и власть над

⁷ Закон Ветхого Завета: «Око за око и зуб за зуб! – все тот же закон «Причин и следствий», как и слова: «Мне отомщение и Аз воздам». Но Я отомщу за око или зуб, а великие Силы Природы в свое время «воздадут каждому по делам его».

верующими. Но, прочтя всю притчу (Матф. 16 – 19, 18 – 18), многое уясняется». Из письма Е.Р.

Если можно текст Матфея 16 – 19 отнести к апостолам и, в частности, к Петру, то те же слова Иисуса в тексте Матфея 18 – 18, были сказаны Им в отношении каждого человека и всех его деяний, имеющих следствие как в этом, так и в ином мире. Итак, подобных законов апостолы не могли отменять и не отменяли.

Но у Павла есть некоторые места, неприемлемые для нас в том виде, как они выражены в его посланиях.

Человек, знающий Космические Законы, как закон Причин и Следствий, или Карму, и закон Перевоплощений, всегда сумеет объяснить почему Господь, который равно справедлив ко всем своим детям, одного порождает для страданий, а другого благословляет для блаженства. Теперь посмотрим, как подходит к этому разрешению человек такой великой духовности, как Павел. В его послании к Римлянам (9 – 13) говорится: «Иакова Я возлюбил, Исава возненавидел», – из Малах. (1 – 2). «Что же скажем? Неужели неправда у Бога? Никак... Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» Рим. (9 – 21).

Этот вопрос, очевидно, ставил себе не один богослов для разрешения недоумения, почему Господь возлюбил Иакова, полного хитрости, обмана, лживости и трусости, в то время как ни одного зорного пятна не указано в отношении Исава во всех главах Бытия (25, 27 и 33). Ставил себе этот вопрос и ап. Павел, но объяснение его сравнением людей с глиною совершенно неприемлемо. Нас оккультистов, конечно, интересует не этот вопрос, разрешенный теперь самым исчерпывающим образом, а то, что человек такой великой духовности почему-то не мог изложить объяснение в столь не трудном деле более подходящим образом?⁸.

Вера одна, сама по себе, не может заменить все другие свойства нашего духа, также и великая духовность не заполнит пробелы в человеческом знании. Благословение и Благодать свыше может помочь в развитии всех недостающих в нас сторон, но дать их, при отсутствии труда человека в должном направлении, тоже немислимо.

Где необходимы сокровенные знания, там вера не может полнее и глубже объяснить справедливость Бога, а знать, почему один рожден

⁸ Над Исавом тяготела тяжкая карма его прошлой жизни, а над Иаковым таковой не было.

для нищеты и страдания, а другой для радости и изобилия, она не может. Лишь знания, открывая великие законы Космоса, действительно, изобразят эту справедливость Бога наглядно и во всей ее полноте.

Также и великая духовность не даст знание, как и знание не сотворит духовности. Каждое из этих свойств духа должно быть развито самостоятельно, ибо в великой эволюции все качества наши должны придти к совершенству. И когда мы будем воочию знать Господню справедливость, то нужно ли нам наше первое восприятие – вера – в эту справедливость?

Когда был Исав и Иаков, мы, быть может, были ими тогда, или в их окружении, и в то время к нам могла еще не придти мысль о несправедливости Бога. Ибо и до этой мысли нужно человеку дорасти. Но в эпоху Павла эта мысль уже была порождена, а разрешали ее по-разному: и так, как Павел, и так, как какой-либо безбожник, а, может быть, еще и по-иному. Но в настоящее время объяснение Павла, его приближенное решение этих вопросов, уже не для нас. Павел был великим учителем нашим. Но никакое величие не должно никогда и ни в чем заслонять собою Истину, ибо тогда мы неизбежно отойдем от нее. Все мы люди и истины чистой и точной, быть может, никто из нас не знает. Мы подходим к постижению ее лишь ступенями возвышения нашего сознания. Человеческое сознание, конечно, в эпоху Павла было выше сознания людей времен Исава, но все же оно и не может быть равным сознанию современному. Если отдельные представители народа выгодно выделяются из общей массы людей, то все же они не могут перешагнуть через целый ряд эпох во всех отраслях знания, искусств и других особенностей, характеризующих нашу жизнь. Поблагодарим же сердечно и горячо всех наших давнишних учителей, у которых мы и теперь еще многому можем научиться, но в тех вопросах, в которых наше знание выросло непомерно и опередило знание прежних веков, мы пойдем по иным и новым путям без страха и сомнения. Поэтому нельзя умножать и без того многочисленные комментарии и термины из одной боязни оторваться от признанного авторитета, только для того чтобы перетолковать места, не поддающиеся иному толкованию, каковому они соответствуют. Все видоизменяется, совершенствуется и мысль человеческая, и знания, и все иные постижения великой действительности.

Как, например, я укажу такое несоответствие теперешних знаний со взглядами того давно прошедшего времени, когда лишь

слагалась наша христианская вера? Кто может отрицать великие духовные продвижения такого святителя, как Антоний Великий? Постоянное его общение с Миром Огненным и его избранниками, прозрение Антония, его видения и слышание, – все это говорит о великом продвижении его в духовном совершенствовании. Но вместе с тем, плоскость состояния его сознания не могла допустить то многое, что считается теперь очень необходимой и важной основой жизни. Как можно устремляться к чистоте духовной и совершенно пренебрегать чистотой внешней, физической? А между прочим, в Добротолюбии (том I, стр. 114) сказано: «Св. Антоний заповедывал быть к нему (т. е. телу) очень строгим и осуждал всякую поблажку. Посему не благоволиительно отнесся о тех, кои ходят в баню. «Отцы наши, – говорил он, – и лиц своих никогда не умывали, а мы ходим в бани мирские». Ведь это, пожалуй, хуже чем ветхозаветное посыпание пеплом головы, ибо ее можно после этого обряда отмыть, а если запрещается умывание, то чем же мы отличаемся от животных в своем физическом обиходе? Именно, нельзя все неразумно копировать с наших отцов, жизнь ушла вперед, и соответственно ей и сознанию нашему уже давно пора пересмотреть многое из их писаний и изменить в корне их требования.

Если в свой путь человек отправляется пешком, то почему ему не сесть на лошадь, если таковая ему встретится, а почему после не пересесть на поезд, когда он доберется до железной дороги, или не влезть на аэроплан, когда таковой попадет на его пути? Обычно это так и делается, но почему-то не поступает так человек в своих верованиях! В этом случае мы упорно продолжаем ехать на своем осле, хотя по пути встречаются и лошади, и поезда, и аэропланы. Но все же, как бы мы не ехали, весь этот путь тяжкий и долгий, человек должен пройти с начала и до конца пока не доберется до познания Истины.

«Каждая наука нуждается в новых формулах. Также периоды жизни несут новые выражения. Каждому новому выражению нужно радоваться. Нет хуже объятия трупа! Без того вы привязаны ко множеству умерших предметов. Вынос каждой мертвой буквы сопровождается причитаниями, точно не существует огромного значения поступательных дел. Некоторые народы неграмотны и открыты воню и мерзкими насекомыми. Который же из ветхих предрассудков оплакивать? Весь сундук насекомых надо сжечь! Не будет разрушение, но обновление! Ищите обновление во всей жизни!» («Община», 141).

Воистину необходимо, чтобы «священнослужители стали немного учение, а ученые немного духовнее» (М.О. I ч. 325), тогда весь облик нашего бытия сильно преобразился бы. Уже в глубокую древность было указание Господа через Моисея Аарону, первосвященнику, не допускать к служению Богу человека с физическим недостатком из сынов Аарона. Этими перечислениями полна вся глава 21 – ой книги Левит, но я приведу лишь параграф 21: «Ни один человек из семени Аарона священника, у которого на теле есть недостаток не должен приступать, чтобы приносить жертвы Господу: недостаток на нем, потому не должен он приступать, чтобы приносить хлеб Богу своему». Нам непонятны такие требования, и мы готовы их считать жестокосердием древних времен, но ознакомившись с учением Востока, мы поймем глубокую справедливость их. В «Мире Огненном» II ч. в параграфе 237 сказано: «Лишение благословения есть акт древнейшего патриархата. Он далек от позднейших проклятий. Проклятие является уже продуктом невежества, но древнейший акт предусматривал нарушение связи с Иерархией. Связь с Иерархией есть настоящее благословение со всеми последствиями. Спросят невежды: «мы много раз поносили все Высшее и, тем не менее мы существуем; никакой огонь не спалил нас и ничто не угрожает нам». Тогда поведем их на площадь, где в грязи пресмыкаются слепые нищие, и скажем – «вот тоже вы». Поведем в темницы, поведем в рудники, поведем в пожары, поведем на казни. Скажем – «разве не узнаете себя? Только пересеклась нить с Высшими и вы летели в бездну». Устрашать не нужно, жизнь полна примерами таких ужасов. Помните, что нагнетение огня незримо, но ничто не минует последствия. Так можно видеть, как даже древние понимали справедливость закона и знали уже, что оскорбление Начал так велико и ужасно, что последствие не может быть немедленным».

Люди, перерезая нить помощи и благополучия, оставляют себя изолированными от Источника Благого, и если по закону инерции не настигают их немедленно все беды, вызванные ими же самими, то грядущая воплощенная жизнь развернет все следствия их антидуховной жизни. Быть может нечто подобное было и с Исавом. Но изменение жизни даст прощение в будущем и снимет печать отверженности от Высшего Начала.

Представление людей об искуплении Христом наших согрешений состоит в том, что Христос принял на себя всю тяжесть ответ-

ственности за недостатки человечества и пострадал за них и тем умилил Отца и избавил людей от вечного страдания в аду, по одной версии, а по другой от смерти для вечного блаженства. Но не все люди в своих помыслах столь щедры, чтобы это вечное блаженство распространить на весь род людской, а распространяют все радости Неба лишь на некоторых, кои удостоились быть принятыми в лоно той Церкви, к какой принадлежат и они, но не всякой иной конфессии. Для всех остальных врата Царствия Божьего накрепко закрыты, а ключи от них вручены ключарю от этого Царства – Апостолу Петру.

Конечно, на почве соревнования отдельных Церквей в отношении своей праведности и истинности веры в служении Богу подвизается великое множество всяческих христианских религий и их сект. И все они являются первыми кандидатами в Царство, созданное их собственным воображением, куда, кроме того, они войдут в своих же физических телах, воскресших от призыва труб ангелов-вестников Неба во время второго Пришествия.

Подобную картину искупления и Царства Божьего, созданную младенческим мозгом первоначального христианского общества, не может разделить современное общество. Но не имея достаточной устремленности и настойчивости разобраться и изучить труды выдающихся основателей нашей христианской религии, верхи нашего широкого общества оставили этот вопрос открытым, но все же со скептицизмом, а подчас и с явным отрицанием относятся к изложенному выше представлению.

В основе христианского мировоззрения лежит, конечно, Учение Христа. Во всем своем объеме оно может быть названо Учением Любви. Когда Иисуса спросили о наивысшей заповеди, Он ответил, что первой заповедью нужно считать любовь к Богу, а вторую к своим ближним, и на них обоснованы все законы и пророки. Вот основание христианской веры, а из этой основы должны исходить все построения всего остального мировоззрения христиан. Но, между прочим, это основание заложено и во всех остальных религиозных Учениях нашей планеты. Вопрос другой: на сколько они исполняются и проводятся в жизнь? И по всей видимости, Западом, христианским миром, они проводятся менее всего, ибо им прежде всего нужно господство над всеми и надо всем.

Любовь влечет за собою жертву. Мудрость вероучителей Ветхого Завета стремилась развить эту Любовь к Богу тем, чтобы народы

отдаленнейших веков приучали себя к любви, отдачей всего лучшего своего в жертву Богу. Но эта мудрость, как и всегда бывает, начала, в конце концов, вырождаться в изуверство. Без жертвы не может быть и любви; по жертве судится и измеряется любовь. Всякая жизнь есть проявление любви и жертвы. Без них невозможна была бы и жизнь во всей Вселенной. Эта великая истина и была понята основоположниками всех наших верований. И всюду, где заложена в религиях эта мысль любви и жертвы – там нет и язычества. И, наоборот, в нас, христианах, если мы не найдем этих качеств у себя в сердце, будет наихудшее язычество, ибо кроме того мы будем и фарисеями.

Любовь может быть осознанная и неосознанная, а жертва – добровольная и вынужденная. Конечно, не к чему и говорить, что высшее сознание и высшая духовность требуют всегда осознания любви и добровольной жертвы. Чтобы понять какими внутренними силами творится любовь и жертва, осознанная и неосознанная, добровольная и недобровольная, нужно постичь проявление великой жизни как чистого, светлого и божественного духа, облеченного материей. В своей первой книге «Воспитание Духа» я подробно говорил о том, как научными изысканиями уже установлено, что дух наш – наше высшее, трансцендентальное «Я» – руководит всю жизнь и всеми проявлениями нашего низшего физического «я». Вот это-то высшее «Я», обладая великою божественною любовью, побуждает проявлять наше низшее «я», эту любовь бессознательно во всех царствах природы, а с нею вместе и жертву. Если присмотримся внимательно к людям и даже детям, то мы заметим, что у некоторых инстинкт добра более ярко пробивается, они более чутки к нему, более отзывчивы и более чувствительны ко всему прекрасному и возвышающему, а у других этих качеств менее или даже они совершенно могут не проявляться. Все это показывает, что у первых их духовное «Я» более мощно и оно может победить сопротивление материального нашего ограничения и воздействовать на низшее «я», жертвенно отказав себе перед ближними, сначала во имя долга и справедливости. Постоянная победа высшего над низшим создает условие передачи от высшего к низшему чувства прекрасного и доброты и, наконец, той великой любви, которая и порождает высокую духовную радость, могущую собою залить все наше существо и приблизить великий духовный мир к нашей земной сфере. Итак, апофеозом любви и жертвы будет великая радость. Но

в нашей жизни очень тускло просвечивается эта радость, потому что и любовь наша всегда с примесью эгоизма. Только материнская любовь часто составляет исключение, да и то только лишь в отношении своих детей, но и она даже дает высшую земную радость.

При любви мужчины к женщине – он жертвует своею силою, трудом и покоем ради благополучия ее и детей: чем больше эта любовь, тем более бывает и радость доставить все, что нужно любимому человеку. Конечно, тут всегда примешиваются ожидания эротических радостей и, если звериное начало сильно у человека, он даже силою может опережать события. Женщина же, ради этой любви, отдает всю себя мужчине и сознательно обрекает себя на грядущие страдания и долгую неволю материнства.

Ту же жертву ради любви мы замечаем и у животных, но она еще более не осознана, чем у человека. Вы, вероятно, замечали, как петух жертвует свою находку какой-либо курице, или как эта последняя отдает свою находку своим цыплятам, или как она с яростью набрасывается на собаку, во много раз большую, чем она сама для того, чтобы отогнать ее от своих цыплят.

Если проследим жизнь в мире растений, то и там заметим повсюду разлитую жертву: все лучшие силы свои растение отдает в ущерб себе своим плодам – семенам. И опять побудительная причина к тому кроется внутри, в жизненной сущности растения. Я не сказал – в духе растения, потому, что широкая масса людей, к сожалению, не привыкла одухотворять низшие царства. Пусть так, название не меняет дела, ибо в жизненной сущности растения ни один человек любому растению в этом не откажет, это и будет великим божественным духом. Он одухотворяет все: и нас, и все окружающее нас. Разница лишь в развитии его принципов, к коим принадлежит и сознание. Жизненная арена деятельности и создает это развитие.

Спустившись еще ниже, в более грубую материальную среду – в минеральное царство, мы найдем тот же великий дух, кристаллизующий отдельные частицы, и ту же бессознательную жертву собою, допускающий свое раздробление и распыление для создания растительного царства. Итак, вся жизнь во вселенной полна любви и жертвы, а побудителем к тому будет великое божественное Начало.

Человек много благ получает от разных царств природы: хлеб, овощи, плоды, пух, перья, шерсть, молоко и яйца. Но это получение обходится не без отдачи, не без возмещения этим царствам

своим трудом физическим и умственным. Получая, например, фрукты, он должен отдать и труд и время для окопки, поливки, удобряя землю, очищая растение от червей и охраняя целость его от ветров и животных. То же можно сказать и в отношении животного царства и человека. Среди людей, например, получение знания вызывает неизбежную отдачу их следующему за нами поколению. Нельзя жить, только получая и ничего не отдавая, и обратно. Итак, получение всегда чередуется с отдачей, как причина, вызывающая следствие. Это тот же закон Космоса, который не может быть нарушен без горьких следствий для нас же самих, ибо подобное получение без отдачи будет воровством у Природы.

Отдачу иногда называют искуплением, но она только тогда будет искуплением, когда совершается вполне сознательно. Искупление возможно уже при расширенном сознании, когда человек постиг великую роль божественных сил и ее помощи в его прошлой эволюционной жизни. Такое искупление совершается при переходе от человеческого к божественному состоянию, и когда Искупитель уже может познать, принесет ли Его искупление пользу другому лицу, а не вред. «И не совершил там многих чудес по неверию их». (Мф. 13 – 58).

Итак, ЖЕРТВА – ДАЯНИЕ ВО ИМЯ ЛЮБВИ.

ПОЛУЧЕНИЕ и ОТДАЧА – ЗАКОНЫ ЖИЗНИ.

И ИСКУПЛЕНИЕ – АКТ ВЫСШЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

«...так же можно через сознание принимать на себя чужую карму. При малых опытах замечаете, как удавалось переносить на себя чужую боль, когда это касалось области нервов. Так же точно можно принимать на себя следствия чужой кармы. Можно, наконец, принять карму коллектива, так название Искупителя не будет суеверием. Лишь требуется при этом понимание целесообразности принятия».

«Карма представляет самое сложное явление. От случайности действия до основы побуждений все многообразно и многоцветно. Надо твердо оценить, когда возможно и полезно вмешаться в чужую карму. Но можно представить, когда будет случай самоотверженного и полезного вмешательства в судьбу чужую. По огням можно судить о целесообразности вмешательства (взаимодействие ауры человека с пространственным огнем). Огни – лучшие показатели для решения, в них внутреннее сознание сочетается с пространственным, и ничто не дает подобной жизненности, при понимании окружающих условий, как разноцветные вехи огней...»

«Видите, как отвлеченные понятия Искупителей и пространственного огня становятся реальностью!», Агни-Йога, 417.

«Лишь в земном смысле можем мы явиться жертвой искупительной, т. е. принять на себя следствия, порожденные другим лицом. Но в духовном смысле это невозможно. Ведь порожденные нами причины, прежде всего, отражаются на нашем внутреннем или духовном существе, потому только духовное перерождение может изменить, или, вернее, ослабить реакцию на нас порожденных нами следствий. Высокий дух может помочь человеку в этом духовном перерождении при условии, что дух этого человека устремлен в твердом решении искупить все содеянное им. Но никакие молитвы матери (или кого бы то ни было) не помогут ему, если дух его не ощутит высокого порыва к очищению... Именно, как один химический ингредиент может изменить весь смысл субстанции, составленной из нескольких других ингредиентов, так и действие высокого порыва или качества может нейтрализовать и превозмочь следствия низших качеств в природе человека и, таким образом, изменить весь характер человека как бы перерождая его... Перерождение внутренней сущности есть изменение излучений, которые, будучи очищены, иначе воспримут и следствия ранее порожденных причин. Лишь сам человек является единственным творцом и живым рекордом каждого побуждения, каждой мысли и каждого поступка своего; то кто может что-либо изменить в его существе без его личного и непосредственного участия?», из письма Е.Р.

Об автоматизме спасения в широком понимании благодаря «Искуплению» не может быть и речи. Так мыслит и апостол Иаков, см. его послание (1- 23): «Если кто из вас думает, что он благочестив и не обуздывает своего языка, он обольщает свое сердце, у того пустое благочестие». Чтобы окончательно покончить с вопросом об «автоматизме спасения», я лучше всего еще раз повторю слова ап. Павла (Рим. 8 – 11), где он очень ясно по этому поводу говорит: «Ибо если живет по плоти, то умрет, а если духом умерщвляет дела плотские, то жив будет. Ибо все, ведомые Духом Божиим, суть Сыны Божии...»

Вся глава 13 к Римлянам полна указаниями всяческих наших дел, что не должно творить и что должно совершить, поэтому у апостолов нет места для понимания их поучений, как автоматического спасения: по вере ли, по крещению или по таинству причащения.

Вера – это знание в зародыше, не развитое, в инстинкте. Ни одно из наших восприятий и чувств не пробуждалось сразу, пробуждение происходило исподволь и постепенно. То же можно сказать и про знание. Во что обыватель может лишь верить, там ученый знает. Где обыватель может лишь предполагать, например, прочность сооружения, там инженер может утверждать эту прочность. Отсюда можно заключить, что вера – это преддверие знания. Когда не было знания, тогда требовалась вера, ибо она лишь ступень к знанию. Ко многим вопросам человек подходит сначала ощупью, пока не научится подойти утверждающе. Если в патриархальные времена требовались от людей «жертвоприношения», то 2000 лет назад Христос потребовал «веру», а теперь от нас требуется уже «знание». Если сейчас у нас иногда появляются предчувствия, то в будущем, при развитии соответствующих центров, у нас появится чувствознание, как высшая ступень наших восприятий.

Вера – это якорь, заброшенный вперед в будущее, в неведомое, к которому мы подтягиваемся знанием. По мере упрочения веры знанием, якорь веры забрасывается все дальше и дальше вперед. Вера и знание тесно соединены между собою и связь эта полна гармонии, как в музыке зачастую звучащие уже аккорды дают предчувствие следующим, так и вера, идя впереди знания, дает тоже и такое же предчувствие открытия новых областей знания. Но там, где есть уже в наличии знание, там для веры не имеется место.

Мне как-то однажды сказали, что, очевидно, я не понимаю, что такое вера, если могу ее определить «преддверием знания», ибо знание есть одно свойство духа, а вера – совершенно другое. Зная к какому выводу клонится такое разделение, а именно, к моему, якобы, безверию, я сразу, чтобы покончить с таким подходом, спросил: «А у Бога есть тоже вера?» – «Ну вот тоже! Бог – другое дело!» – «Для знания у Него тоже “другое дело”?» ... Если знание, любовь, мудрость, предвидение, чувствование, яснослышание и видение – вечно, а вера преходяща, то где, на каком этапе приближения к Нему, как «детей Божиих и наследников Его и сонаследников Христа» (Рим. 8 – 17), пропадает вера и заменяется великим знанием?.. Нет, именно вера есть преддверие к знанию и, по мере развития его, вера, как бы растворяется и преобразуется, и переходит полностью в знание.

«Тушители огней, светоненавистники, не все ли равно с какой стороны вы ползете! Вы хотите затушить пламя знания, но невеже-

ственная община – темница, ибо община и невежество несовместимы. Нужно знать. Не верьте, но знайте!» «Община», 119.

Какое большое значение придавалось в древности знанию – уже видно из писания пророка Осии (4 – 16), где сурово требуются эти «ведения»: «Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения: так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя от священнодействия предо Мною; и как ты забыл закон Бога твоего, то и Я забуду детей твоих...»

В «Пособии к истории церкви» Андреева про Павла говорится на стр. 248: «Этот гносис в руках Павла делал дело громадной важности. Мы видели при обозрении его жизни и деятельности, что он (Павел), отправляясь в своей миссионерской деятельности от принципов противоположных тем, коими руководилось иудейство, в то же время до последней возможности поддерживал связь с христианами, ревнителями закона. Так же он поступал и в отношении к ветхозаветному канону: он признавал оправдание только верою, но он удерживал весь «закон и пророков», всю ветхозаветную священную письменность. Положение создавалось чрезвычайно запутанное». Запутанность была не во взглядах и убеждениях Павла, они ясны, если правильно понять те термины, каковыми он пользовался в своих посланиях. Запутанность лежит в иной области, а именно: с одной стороны, церковь признает Павла апостолом и Учителем Христова Учения, хотя, «в руках Павла гносис делал дело громадной важности», а с другой – церковь вела постоянную и упорную борьбу с гностическими течениями, кои присоединяла к ересям. Такую неразбериху может создать только эпоха чувств и настроений человеческих. Если принять во внимание, что все наши свойства и способности развиваются постепенно и это развитие охватывает и характеризует собою целые эпохи, то во истину можно сказать, что с начала христианства и через все средние века в Европе господствовали лишь эмоции людей. Века такого господства, конечно, не могут полностью развить в людях способность постигнуть и осознать гностическое мышление. Отсюда и происходит вся эта неразбериха.

У апостола Павла к Корин. в перв. послании (12 – 4) сказано: «Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцеления, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, ино-

му разные языки, иному истолкование языков». Поэтому нельзя принижать и умалять одни способности перед другими. Но все эти способности должны составлять одну общую гармонию, ибо все они служат одной великой цели – познанию и совершенствованию.

Гносис – знание! Вот это и есть главное отличие гностических учений. Этого не отрицают нигде и представители господствовавшей церковности, но они термину «знание» придают одностороннее значение, опираясь на фразу, выхваченную из какого-то гностического сочинения, а именно: «гносис есть знание особого рода – оно разрушает немощи и страсти нашего существа; оно одно (так говорят гностики) в силах вывести дух из лабиринта конечности, вознести его туда, откуда он дан человеку» (из Пособия к Истории Церкви, стр. 245). Сколь велико было влияние гносиса, уже видно по следующей выдержке из той же книги на стр. 251: «... величайшие писатели раннего христианства, создатели христианского богословия, Климент Александрийский (в 215 г.) и Ориген были в сущности гностиками. Следует читать в «Строматах» Климента превосходные главы о гносисе и гностиках, чтобы почувствовать всю силу и обаяние гностического движения на ОБРАЗОВАННЫХ ХРИСТИАН». «Гносис, – говорит Климент (Стром. 11 – 17), – есть разумение, проникновение в самую сущность предмета или познание о нем, согласное с законами его бытия», В представлении гностика Климент включает все, что есть самого возвышенного и красивого в человеческом духе. «Стремиться к познанию Бога, – говорит он, – с целью приобретения от того какой-либо выгоды – не в правилах гностика. Ему не нужна иной цели для созерцания, кроме самого созерцания. Не из желания спастись человек должен стремиться к познанию Бога, а должен принимать и усваивать Его из божественной красоты и величия, святости, превосходства и преемственности самого этого знания. Постигание непрерывное, постоянное – вот сущность гностика; деятельность последовательная, неослабная, непрерывная. Гностика не увидишь ныне добродетельным, а завтра преступным или к добру безучастным; путь его точен и утверждён на добре непреложно. С другой стороны, гностик держит курс своей жизни не для стяжения славы, или известности и не ожиданием награды от Бога или людей руководится при сем». (Строматы V – 22).

У гностиков в свое время была своя богатая литература, но слепая неприязнь противников их (ведь тьма и мрак и до сих пор доминирует в своих проявлениях над светом и просвещением) поста-

ралась уничтожить все лучшее достояние их. Но лучше я приведу выдержку из «Пособия к истории Церкви»: «... Кроме того гностики создавали свою литературу, которая проводила прямо их воззрения. Ириной свидетельствует о громадном количестве апокрифических и подложных писаний (стр. 247)... К сожалению, наиболее интересные части этой литературы – гностические евангелия – почти не сохранились до нас: церковь РЕВНИВО БЕРЕГЛА СВОИ ХАРТИИ И БЕСПОЩАДНО УНИЧТОЖАЛА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ в этой деликатной области. Но в отношении к другим сюжетам церковь была терпимее. Отсюда, апокрифы избирают своими темами жизнь и подвиги апостолов и пр. Церковь не изгоняла литературы этого рода, а только нейтрализовала (!?) и обезвреживала (!?) ее. Даже более – рядом с этими произведениями, рассчитанными на НЕВЗЫСКАТЕЛЬНЫЕ ВКУСЫ (Климента, Оригена и «образованных христиан?»), она создала свою письменность такого же рода. Гносис вытеснялся со сцены его собственным оружием». Андреев, (стр. 253). После слов Климента о гностиках, положительно трудно себе представить, каким оружием?

Было какое-то «евангелие Петра», «евангелие египтян», которое было переработкой «евангелия евреев», помимо «евангелия гностиков», как указано у Ренана «Христианская Церковь» на стр. 103-104. Между прочим, не могу воздержаться, чтобы не привести выдержку, взятую из «евангелия евреев»: «Спрошенный Соломеей, когда наступит его царствие, Господь ответил: «Когда вы попрете ногами одежду целомудрия, когда двое соединятся в одно, когда внешнее уподобится внутреннему, и самец, соединенный с самкою, не будет ни самцом, ни самкой». Климент Александр. «Strom» III, 6, 9, 13). Но где эти евангелия? «Церковь ревниво берегла свои хартии и беспощадно уничтожала фальсификацию». Вот ответ наиболее правдивого богослова. Но как ужасно было это «сберегание хартий»! Грядущие потомки этих «сберегателей» имеют же право сами рассмотреть и перерешить все вопросы и решения своих «Отцов» и вот этого-то драгоценнейшего дара они лишены ужаснейшим преступлением против мысли человеческой – против Духа. Вот дела церкви в лице своих «Отцов»! И как может она быть авторитетна в глазах христиан, коим этим актом уничтожения как бы завязали глаза и заткнули уши!?

Из II части «Комментариев» к Матфею св. Климента (кн. II, гл. 13), мы находим признание св. Иеронима, что Евангелие от Мат-

фея, дошедшее до нас, как перевод с греческого текста, не есть то, которое было первоначально, а представляет собою обработку очень ревностного святого и отца церкви Иеронима. «Он говорит, что в конце IV века его послали епископы Хроматий и Илиодор в Цезарию, чтобы на месте перевести оригинальное еврейское Евангелие от Матфея. Он сделал это с протестом, ибо, как он говорит, содержало в себе это Евангелие вещи не созидательные, но разрушительные...» В этом письме святой говорит, что Матфей не хотел писать Евангелие открыто, иначе говоря, Евангелие была тайна...» (Евангельский Эзотеризм Е.Блаватской стр. 20-21). Евсевий говорит (Н.Е. IV, 7), что сочинения Василия «Разъяснения Евангелий» или «Философия созерцания божественных вещей», как называет их Климентий, 24 тома были по распоряжению церкви сожжены. Таким образом, «обезвреживала и нейтрализовала» церковь своих противников. Во всех этих поступках ясно выражено устремление Отцов Церкви отстоять «свои хартии», т.е. положение, власть и влияние, а не служение Истине.

В самую раннюю пору христианства, когда, казалось бы, должно было бы быть очень сильно обаяние светлого Учения Христа и было еще свежо представление всего Облика великого Учителя, в это же время происходит не сплочение христианства, а полный раскол его на множество осколков. Тут, очевидно, что то учение, которое именовалось христианским, в своем продвижении наткнулось на какое-то препятствие, отчего оно, как ком искусственно соединенных разнородных веществ, распалось на десятки сект. Истина ведь сама сокрушит все препятствия и проложит свой путь в великую Вечность. Продолжающаяся и до сего времени дифференциация указывает яснее ясного, что все это учение не монолитно, где Божественное сильно перемешано с человеческим. Божественное всегда останется таковым и никто и никогда во всем мире не станет оспаривать и возражать что-либо против Нагорной проповеди и других поучений и притч Христа. И вы заметьте, что нет религий где бы то ни было, кои не признавали бы всех тех жемчужин Божественной Истины в Евангелии, исшедших из уст Христа. Они не вызовут ни спора, ни сомнения и разногласия ни в ком. В этом заключается отличительная черта Вечной Истины. Все сердца человеческие их примут без всякого сопротивления; мы можем их не понять и спорить о значении, о смысле сокровенном, но не усомнимся в их истинности и Источнике. Сердце не обманешь и все, что

от Света вечной Правды – сольется и найдет место в каждом сердце. Все остальное зародит противоречия и произойдет раскол. Особенно много огорчений для Церкви доставляли различные гностические учения. Борьба с ними была особенно тяжела потому, что наиболее видные писатели и авторитеты Церкви были во многих вопросах сторонниками гносиса.

Гностические учения содержали в себе начала знаний: вот почему величайшие из Отцов Церкви, как наиболее выдающиеся из людей того времени, были склонны к гносису. Конечно, не все течения, кои в сложности причислялись к гностическим, заслуживали внимания.

Были группы лиц под названием эвионитов и назареев, которые почитали Христа обыкновенным человеком, но достигшим высоких ступеней Учительства, благодаря лишь нравственному своему совершенству. Рождение Его эвиониты считали тоже обычным: от матери Марии и отца Иосифа.

По взглядам эвионитов не одна лишь вера в Христа и Его Учение, а и жизнь сообразная с Учением, могла спасти человека. Из соответствующей литературы они принимали только наиболее свободное от «павлинизма» Евангелие первоначальное от Матфея, согласно Ренана, но оно, по Епифанию, было «не во всем полно, в ином подложно, а в ином урезано». В этом случае я позволю себе привести несколько строк крупного исследователя истекших событий того времени Эрнста Ренана, взятых мною из его книги «Евангелие и второе поколение христианства», чтобы яснее понять слова «не полно», «подложно», «урезано».

«Слово евион, которым они себя называли и имеющее для них самый высокий смысл, превратилось в обидную кличку... его употребляли в виде насмешки, иронически придавали ему значение «нищие умом» (а не «нищие духом», как они себя называли). Античное название «назареев» с IV века даже в правоверной католической церкви стало обозначать еретиков, почти не христиан».

«Это удивительное недоразумение объясняется, когда обратим внимание на то, что евиониты и назареев остались верными первоначальному духу церкви и братьев Иисуса, согласно чему Иисус был только пророком, избранным Богом для спасения Израиля, тогда как в церквях, ведущих свое начало от Павла, Иисус все более и более становился воплощением Бога...» (Стр. 46).

Ренан в этой книге на стр. 46 – 47 приводит много источников, на основании коих и делает свои заключения. Тут же говорит про

Епифания следующее: «... ничего нет более спутанного, как система этого отца церкви, сбиваемого с пути своим ортодоксальным фанатизмом... Он ни за что не хочет, чтобы иудействующие сектанты, которых он ненавидит, были прямыми потомками семьи и истинных учеников Иисуса».

«Назаряне Ватанеи имели, таким образом, неоценимую привилегию обладать истинным преданием слов Иисуса; Евангелие должно было получиться от них. Те, которые непосредственно знали заиорданскую церковь, как Гегеизиниг (Евсевий, Н.Е. III, 32; IV, 22) и Юлий Африкан (Евсевий, Н.Е. I, VII, особенно §§ 8 и 11), говорили о ней с большим восторгом. Именно там, по преимуществу, казалось им, был идеал христианства; эта церковь, скрытая в пустыне, в глубоком покое, под Божьим крылом, представлялась им девственницей абсолютной чистоты. Связь этих удаленных общин с кафолической церковью совершенно оборвалась», Рен. Еван. Стр. 60. «В разных местах составлялись маленькие сборники, в которых кроме общих им всех мест, были значительные различия: особенно различались их порядок и расположение. Каждый старался пополнять свою тетрадку, справляясь с другими, и, совершенно естественно, всякое зарождавшееся в общине характерное слово, соответствовавшее духу Иисуса, схватывалось с жадностью на лету и помещалось в сборник».

«По-видимому, апостол Матфей составил один из подобных сборников, который признан всеми. Однако, сомнение и в этом случае допустимо. Даже вероятнее, что все эти маленькие сборники слов Иисуса оставались анонимными в виде личных заметок и были воспроизведены переписчиками не как произведение отдельных личностей». (Ренан, II, и цер. Стр. 63 – 64).

Стремление составителей Евангелия согласовать все места, касающиеся Христа со всевозможными очень туманными преданиями и пророчествами, которые также искажались и переделывались по мере надобности, ярко сквозит в описываемом факте рождения Христа. С одной стороны нужно было бы вывести рождение Христа из дома Давида, и потому составляется целая родословная от Давида до Иосифа, причем в Евангелии Матфея (I – 1) одна, а по Евангелию Луки (III – 28) другая. А с другой стороны, необходимо было согласовать пророчества Исаи (7 – 14), что Мессия родится от Девы, но такое рождение в глазах иудеев было достойным побиванию камнями, согласно закону и преданию старцев. И потому, та-

кое рождение нужно было осветить в глазах людей, вот и создалась версия рождения Иисуса от Духа Св. Но в еврейском Евангелии этого не могло быть, ибо там дух (רוח) женского рода. Поэтому эвиониты и назареяне почитали Иисуса Учителем, Пророком, но не воплощением Бога. Подобные подделки и подтасовки, необходимые для вкусов невежественных масс, ставили Отцов церкви в невероятно трудные условия: родословная составлена и Иосиф по ней происходит из дома Давида, но Иосиф все же не отец Иисуса, а потому последний не из дома Давида. Дух женского рода и как же Он может быть Отцом? Согласно Исаи у Мессии должно быть имя Емануил, а дано Иисус?

И таких странностей, измышлений человеческих, очень много разбросано по всем священным Писаниям. Все это доказывает, что в свое время доминировали лишь форма и тело, а сущность и дух были в пренебрежении.

По этому поводу Э.Ренан в своей книге «Христианская Церковь» пишет на стр.69: «Акила был знаменитейшим из этих новых переводчиков, посвятивших себя бессмысленной буквальности. Его труд отнесен к XII году Адриана ... Перевод Акилы вскоре стал известен Христианам и очень их раздосадовал. Привыкнув брать тексты из перевода Семидесяти, они видели в новом переводе ниспровержение своих методов и всей своей апологетики. В особенности, смущало их одно место. Церкви хотели во что бы то ни стало вычитать пророческое возвещение девственности рождества Иисусова в одном месте – Исаи (VII, 14), которое имеет совсем другой смысл, но где слово רבדננת поставленное вместо еврейского «**alma**» и обозначающее мать символического **Immanuel**'я (с нами Бог), изображало нечто своеобразное. Эту маленькую подстройку Акила опрокинул, поставив вместо **alma** – נהניג. Стали говорить, что с его стороны это было просто выражением злобы, сочинили целую систему клевет, чтобы объяснить, как бывший христианином, он выучился по-еврейски и отдался этому громадному труду единственно, чтобы опровергать перевод Семидесяти и уничтожить места, доказывающие мессианское достоинство Иисуса».

«Евреи, напротив, довольные кажущейся точности нового перевода, громко провозгласили его превосходство перед переводом Семидесяти. Эвиониты, или назареи, также часто им пользовались. Перевод текста Исаи, сделанный Акилой, помогал им отстаивать перед экзальтированными членами греческих церквей мнение, что

Иисус был просто сыном Иосифа». Этот перевод был сделан Акилою по методу равви Акиба, как говорит Ренан, придерживавшегося принципа, что в Библии нет ничего незначущего и что каждая буква в ней поставлена с определенной целью и влияет на смысл. В примечаниях приведены ссылки на Оригена, св.Августина, Иеронима, Епифания, Иринея, Иустина и многих др.

После всего изложенного, я хочу сказать лишь, что не в моих силах и возможности докопаться во всех этих вопросах до сути происходившей трагедии – похорон Правды истекших лет. Я не могу и не берусь исследовать причины всех этих разногласий и злобных противодействий, для этого нужно быть ученым, знающим древние языки, иметь доступ к древнейшим сочинениям по этому вопросу, быть совершенно свободным и независимым в религиозных вопросах и потратить десятки лет для изучения сохранившегося материала. Моя задача лишь показать: при каких условиях злобы и преступлений складывались догмы верований и писаний и как они далеки от Боговдохновенности.

